

ДМИТРИЙ КОРОЛЕВСКИЙ

ПОСТФАКТУМ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 🏆

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

Книга I

Постфактум

Дмитрий Королевский

Постфактум

«Автор»

2021

Королевский Д.

Постфактум / Д. Королевский — «Автор», 2021 — (Постфактум)

Старые Боги позабыты, новых еще не придумали.... Это разрушенный, суровый, умирающий от радиации мир, кишаций нечистотами и мутантами. Уже никто не помнит, каким он был раньше. Черeda потрясших цивилизацию войн уничтожила и навсегда изменила планету. Илье посчастливилось. Он вырос в замкнутом, ограниченном стенами Интерната месте. Впрочем, так ли здесь хорошо? Ведь бегство в ужасную реальность кажется единственным путём к спасению. Судьба решает дать ему шанс и на шахматной доске появляются сразу несколько пешек. Теперь у них общая игра, общая задача. Маг Годогост – пришелец из другого мира, Ясмина жительница Руин, это начало списка знакомств, который откроется по мере путешествия. А ждет парня многое: другие миры, другие эпохи, умирающее от радиации Ханство и древняя Русь, сказочные народы и герои былин.

© Королевский Д., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Королевский

Постфактум

Старые Боги позабыты, новых ещё не придумали...

Глава 1

Ночь пахла свободой.

Илья перелез через высокий забор и спрыгнул в траву. Неудачно. Нога подвернулась, и молодой парень, почти ещё мальчишка, зашипел сквозь плотно сжатые зубы. Нет, конечно же,

его не услышат здесь, даже если он закричит. Терпеть боль и не плакать – было привычкой, выработанной за всю его недолгую жизнь в Интернате.

Прихрамывая, парень поспешил прочь от ненавистного места. Не оборачиваясь, ни минуты не задумываясь. Теперь он точно уйдёт отсюда навсегда. Он сможет. Да, он сможет!

Летняя ночь была тихой. Здесь, на окраине Руин, дул лёгкий ветерок, разнося по округе аромат цветущих садов. В траве, по краям растрескавшейся асфальтовой дороги, стрекотали сверчки, а вокруг редких фонарей кружили тучки ночных бабочек и всевозможных жуков.

Боль в лодыжке постепенно угасала, и парень всё бодрее шёл вперёд. Куда? Он и сам не знал. Кто ждёт его в этом полуразрушенном мире, так и не оправившемся после войны? Хотелось просто уйти подальше от места, где боль, унижение, стыд и страх сковывали существование в плотный кокон.

Улица сменяла улицу, но стойкое ощущение плена, тюрьмы, зависимости, продолжали давить, плющить, подобно прессу. Мир за стеной манил своей чужеродностью, пугал и дразнил Илью. В первый раз, когда он сбежал, было не так, совсем не так. Ему вдруг стало стыдно. Тряпка! Как же он был слаб тогда! Впрочем, и сполна поплатился за это. Рот наполнился слюной.

«Давай лижи её, уродец, поработай языком!»

Пьяный голос Сабины – огромной, похожей на бегемота воспитательницы, – звучал в ушах. Илья сплюнул, от нахлынувших воспоминаний его едва не стошнило. Нет, он больше не будет исполнять прихоти этой жирной сучки!

Ноздри втянули цветочный аромат, перебивая возникшие, будто наяву, запахи пота и немытого тела.

Фонари мигнули, чтобы окончательно погаснуть. Уже полночь, и такое редкое и дорогое удовольствие для города, как электрические лампы, было бы совсем нерационально использовать дольше. Освещались несколько улиц, прилегающих к территории Интерната. Дальше царили тьма и неизвестность. Однако незнакомый мир не погрузился во тьму, и в этом ему помогли россыпи звёзд и бледный диск луны. Илья резко остановился, протёр глаза. На секунду ему показалось, что рядом с привычным спутником Земли возник ещё один, но более крупный.

Проклятая химия, будь она неладна. Это всё её последствия. Хотя он почти отказался от еды, которой пичкали в Интернате. Желудок жалобно заурчал, мысли о пище разбудили загнанный в дальний угол сознания голод. Перед внутренним взором всплыла лоснящаяся, жирная рожа Фарита. Этот ублюдок мог жрать целый день, если бы не его обязанности в свинарнике. Однажды Илья, работавший с ним в одной смене, стал свидетелем того, как раздутый, словно мыльный пузырь, напарник ест из пороссячьей колоды. Фарит с жадностью загребал двумя ладонями отходы из столовой и со вкусом проглатывал.

– Что ты вытаращился, белый! – зло завопил гнусавый толстяк, узкие щёлки глаз его стали тёмными от гнева. – Если кто-то узнает об этом, я тебя прирежу, тварь!

Фарит, пыхтя и опираясь на покосившуюся изгородь, поднялся на ноги. Грузное тело колыхнулось, когда он сделал шаг. Скрытый под безразмерной майкой близнец-паразит страшно засучил скрюченными конечностями. Тогда, а это было чуть больше года назад, толстяк, имевший привилегии из-за цвета кожи, побил Илью, сломал нос и едва не выбил глаз. А вчера Илья увидел его смерть. Стоял и наблюдал, как облитого помоями Фарита, упавшего в загоне, рвут на части измазанные в дерьме и крови свиньи. То ещё зрелище: скулящий и визжащий толстяк и бесстрастные к процессу приёма пищи свиньи с кусками окровавленного жира в слюнявых пастьях.

За то, что не помог напарнику, Илье ещё предстоит ответить, а пока он сполна насладится представлением.

Высокие заросли кустарников, тянувшихся вдоль серого остова здания, затрещали. Тварь, скрывающаяся в них, напугалась не меньше его.

– Ква-а-а-а! – обидчиво протянула гигантская квакша, жёлтые глаза-блюдца не мигая уставились на человека. – Ква-а-а-а!

– Брысь! – парень замахнулся на гипнотизирующего его мутанта.

Таких крупных он ещё никогда не видел. На территорию Интерната они иногда проникали, но бдительные надзиратели, они же воспитатели, с ними не церемонились.

– Пошла прочь!

Рассказы о том, что квакши способны усыпить человека, а потом съесть его глаза, были на слуху с самого детства. Правда это или вымысел – парень не знал, но и проверять не был намерен. Квакша съёжилась, подбирая под себя длинные, покрытые влажными бородавками ноги, чтобы в следующий миг взвиться в прыжке. Старый самодельный нож, захваченный со свиной бойни, лишь самую малость коснулся её скользкого пуза, но и этого хватило. Илья отскочил, уворачиваясь от дурно пахнущих внутренностей, провожая взглядом рухнувшее в траву тело.

Не прошло и получаса, как он на свободе, а уже нарвался на неприятности. Бежать из ненавистных стен Интерната было глупой затеей, а бежать ночью – вдвойне. Не всякий отважится покинуть жилище с наступлением тёмного времени суток.

Страх, отчаяние и боль... Он почувствовал их, только вот принадлежали они другому человеку. И этот кто-то был теперь совсем рядом. Чуть позже добавились похоть, азарт, жестокость. Этого оказалось слишком много, его едва не захлестнуло потоком чужих эмоций. Голова загудела, руки затряслись. А потом он услышал приглушенные голоса.

– Заткнись, сучка, и делай, что тебе говорят! – зло орали за углом. – Недотрогу она вздумала строить!

Несколько хлестких ударов-пощечин и женский плач. Первая мысль – заткни уши и уходи, это не твои проблемы! Да, слух можно обмануть, совесть – нет. К тому же эти чужие эмоции... От них никуда не деться, они настолько сильны, что ещё не скоро отпустят его.

Илья плотнее сжал рукоятку ножа. Сделал шаг, другой в направлении звучащих голосов. Передвигаться тихо парень умел, и это тоже одна из интернатовских привычек, благодаря которой он ещё не умер от голода.

Воровать еду воспитателей, в частности, жирухи Сабины, он начал год назад. В то, что в их пищу не добавляют ничего лишнего, он узнал тогда же. Интернат насчитывал более тысячи обитателей, по сути, являющихся рабами. Следить за тем, кто и как в столовой ест, просто не было времени и смысла. Девчонки и мальчишки, батрачащие по шестнадцать часов, сами набрасывались на столовскую еду, не оставляя ни крошки.

– Жри, белая жопа! – Сабина швырнула ему миску с непонятного вида содержимым. Как ещё язык поваров поворачивался назвать это кашей?

Он сидел в карцере. Клетка из толстых железных прутьев, полтора метра в ширину, чуть больше – в высоту. Она стояла посреди «Двора Позора и Наказания», под палящим летним солнцем. Зачинщик драки – таков приговор. Сломанный нос, левый глаз заплыл багровой гематомой, губы разбиты. И это он зачинщик? А как же иначе! Он же белый, альбинос, беляк. Урод, одним словом. Единственный в своём роде в этом убогом месте. Избивший его Фарит прекрасно знал об этом.

– Жри, жри, а то загнешься ненароком. А у меня на тебя такие планы, – необъятных размеров воспитательница томно вздохнула, слизывая с верхней, покрытой тёмным пушком губы капельки пота.

За три дня, проведённые в клетке, Илья так и не притронулся к пище. Разбитые губы и шатающиеся зубы были не единственной причиной отказа. Изменения в настроении он заметил почти сразу. Жуткий голод начал просто сводить с ума. Всё тело ломало, начался озноб, и это несмотря на тёплый летний день! Один раз он даже сдался, поддавшись требованиям организма. Но пропихнуть сквозь разбитые, кровоточащие губы кашу так и не смог. На второй день, когда приходила Сабина, а потом ещё с полусотни элитных воспитанников, для того чтобы неодобрительно покачать головами и в назидание погрозить пальчиком, стало ещё хуже. Распорядок, которого он много лет придерживался, был нарушен вместе с мыслями в голове. Тогда-то и возникла безумная идея – больше никогда не есть столовскую еду!

Дойдя до конца серого безликого здания, вдоль которого он крался, ведомый чужими эмоциями и голосами, Илья остановился. Заросли высокой травы и разномастные кустарники почти полностью скрывали его рослое, хорошо сложенное тело. Зато шумевшая компания была как на ладони. Их было трое: два парня старше него и девушка.

Пилигримы. Да, перед ним были типичные пилигримы. Старинные холщевые куртки, увешанные всякого рода железными побрякушками, камуфлированные штаны, высокие кирзовые ботинки на шнуровке. На головах неопрятные, засаленные патлы – винегрет из разных цветов и оттенков. Мутаций, во всяком случае, явных, бросающихся в глаза, Илья не заметил. Девушка точно не из их числа. Подруги, нередко сопровождающие скитающихся, не отличались целомудрием.

– Да брось ты, родная, что тебе, жалко? Не сотрётся же! – голос высокого пилигрима, прижавшего девушку к остову ржавого грузовика, звучал настойчиво и нагло. – Давай по-хорошему, клянусь, буду нежен и обходителен.

Бродяги заржали. Длинный втиснул острое колено, раздвигая ноги испуганной девушки, шестипалая рука (а вот и первое уродство!) сжала тонкую шею. Смуглая брюнетка зашипела от гнева и боли, вцепившись в запястье обидчика ногтями. Языки пламени, разведённого в багажнике гнилого автомобиля, плясали в её больших, мокрых от слёз глазах.

Двор, в котором разворачивались события, ничем не отличался от остальных в этом древнем и убогом поселении. Густые заросли разнотравья, обломки строений, груды нечистот, отходов жизнедеятельности жильцов, источающие стойкий, характерный запах, ржавые, покореженные машины, потухшие кострища и тушки убитых мутировавших крыс.

– Что ты с ней разговариваешь, придуши и всё! – нервно затряс руками второй, маленький, коренастый и кривоногий. – Присунем, пока тёплая!

– Заткнись, Чак! Ты посмотри, какая строптивая, давно нам такие не попадались. Не уродина, не шлюха, даже сиськи у неё две! – пилигрим резко отдернул руку от шеи девушки и, не церемонясь, ударил её в живот. – А коготками своими мне спину царапать будешь, когда я тебя осчастливорю!

Чувства юной незнакомки захлестнули сознание Ильи, в животе возникла тянущая боль. Что делать? Эти двое старше его и сильней. Наверняка всё происходящее слышат жители разрушенного дома, кто-то даже с упоением смотрит, удовлетворяя свои любопытство и похоть.

Но никто из них не шевельнет и мизинцем, чтобы помочь бедной девушке. Связываться с безбашенными пилигримами себе дороже.

Страх, но не страх смерти – её она не боялась. Страх за то, что эти выродки с большой фантазией могут сотворить с ней. Он давил на Илью в той же степени, как и на саму девушку, мешая его собственным мыслям. Это было невыносимо.

– Эй! – срывающимся голосом крикнул парень, выступая из зарослей. Слишком тихо. Испугался. Поэтому повторил, но уже громче, стараясь придать голосу уверенности. – Эй, отпустите девушку!

– А то что?! – чувствуя себя полным хозяином положения, не оборачиваясь, спросил высокий анорексичный пилигрим.

А когда бродяги всё же обернулись в сторону потревожившего их, изумлённо добавил:

– Батеньки мои, Чак, ты погляди на него! Герой, мать его, выискался! Это ж беляк! Везет нам сегодня, дружище, на необыкновенные встречи!

Сердце бешеным вороном-мутантом трепыхалось в грудной клетке, норовя выпрыгнуть, сломать прутья-ребра. Вмиг пересохшее горло сдавил спазм. Потная ладонь по-прежнему сжимала нож, но в ней не было силы и твёрдости.

– Заступаешься за бедняжку?! – с ехидством проговорил длинный. – А ты знаешь, что эти крысы, – он обвел рукой окружающие дома, – сами отдали нам её. Не жратву, не свои припасы, а её! А теперь сидят и трясутся в своих вонючих норах, наблюдая, как девчонку вот-вот поимеют!

– Рауф, дай я сам покажу этому выскочке, кто здесь главный! – раскосые глаза коротышки Чака стали похожи на щелки.

В кобуре на поясе пилигрима болтался пистолет (Илья только сейчас заметил, что кочевники вооружены огнестрельным оружием), однако, он предпочёл ему нож – широкий с зазубринами.

– Иди ко мне, что встал как вкопанный? Ты хоть слово скажи, последнее...

Пилигрим нарочно медленно двинулся в сторону Ильи, перекидывая тесак из руки в руку. Получившая в живот кулаком девушка сидела на земле, скрючившись, обхватив руками колени. Её тянущая боль ещё терзала Илью, и он не мог ничего с этим поделать.

– Стоп, Чак! – резко выкрикнул Рауф, на его скуластом, обтянутом шелушащейся кожей лице появилась сумасшедшая улыбка. – Глупый ты и недалёковидный. Ну, завалишь ты его сейчас, ну, может, и согдится его филейная часть на пару обедов, и что? Да ничего, высрешь через день в тех кустах и всё! Это же беложопик. Ты вспомни, когда ты в последний раз видел беложопого?!

– Я не знаю, – Чак остановился, не понимая, что от него хочет товарищ. – Я не помню.

– Таких, как она! – шестипалая рука сграбастала девушку за волосы, вздёрунула вверх. Кирзовый ботинок с размаху ударил по мягкому месту, отшвыривая девушку в сторону. – Таких шкур много! В каждом крысятнике. И все норовят залезть тебе в штаны да в кошелек! – увлечённо продолжил долговязый, переступив через скулящую на земле девицу. – А этот, может, уже последний в наших краях. Сечёшь, к чему я, а?!

– Н-е-е, – обалдело протянул Чак, почёсывая ручкой ножа засаленный затылок. – Не томи, друг!

Илья сделал шаг назад. Ему стоило невероятных усилий очистить разум от эмоций девушки. Не успел он этого сделать, как поток грязных, извращённых мыслей, как из помойного ведра, окатил его, затёк, забрался в самое сокровенное. Он уже знал, какая судьба ему уготована.

Его дар – его проклятие.

Умение сопереживать, сочувствовать и понимать окружающих было с ним, сколько парнишка себя помнил. А с годами диапазон проявления этой способности только рос, дойдя до полного погружения в чувства другого человека. Это едва не свело Илью с ума. Хуже всего было на первых порах. Настроение менялось каждую минуты, Илью буквально раздирало на части от бури обрушивающихся на него эмоций. Он не сразу понял: они не все принадлежат ему.

Жизнь в Интернате не назовешь легкой. А то, что ты белый, и вовсе делало тебя бельмом в глазу. Удел изгоев – одиночество. Илья стал этим изгоем. Другие дети сторонились его. Кто-то делал вид, что не замечает подобное белое недоразумение. Илья даже был благодарен им за это. Однако чаще всего получалось наоборот.

«Эй, смотрите, кто идёт!» – выкрикивал один, когда Илья появлялся в столовой или же направлялся на работу.

«Урод!» – подхватывал второй.

«Что язык в белую жопу втянул? Нечего сказать, помойка?!» – кричал третий.

Такие встречи ничем хорошим не заканчивались. Так продолжалось, пока Илья не понял одного: его необычный дар – это спасение.

Пилигримы приближались. Рауф двигался на цыпочках, с дикой улыбкой на смуглом, обветренном лице, расставив в стороны длинные тонкие руки. Ситуация забавляла его. Чак, напротив, ступал нерешительно, всё ещё размышляя, что же задумал его старший товарищ и нужно ли доставать свой нож.

– Всё просто, парень, – костлявый пилигрим облизнул тонкие губы. – Мы отпускаем девушку, а взамен пользуем твой идеально белый зад! Как тебе, Чак, идея?! А тебе как, белый?!

– Вот голова, Рауф! Вот уж голова! Как ты ловко это придумал, а я уж сгоряча чуть дел не наворотил! – приободрился коротышка, подпрыгивая на кривых ногах. – Сам портки скинешь или простимулировать? – Чак похлопал себя по кобуре и в предвкушении помассировал пах.

Всё. Кажется, это конец.

Илья уже не думал о том, что снова поддался чувствам, не смог совладать с собой. Не ругал и не корил себя. Жажда справедливости и жалость – вечные враги. Именно они мешали всю его жизнь.

Бежать!?

Свинец, выпущенный вдогонку, безусловно, быстрее, с ним не потягаешься в скорости.

Драться!?

Да, он не был слабаком и часто доказывал это интернатовским задирам. Но одно дело – пацаны, пусть и старше на пару лет. И совсем другое – пилигримы, которые не только были старше, но и умели убивать и делали это так часто, как он ходил по нужде.

– Засранец, ты куда это собрался?! – видя, как Илья отступает в заросли, зло заорал Рауф. – Не глупи, малой, лишняя дырка в твоей белой жопе тебе ни к чему! – он выдернул из чехла за спиной обрез двустволки. – Тем паче, что твоя, родная, и так скоро будет саднить!

Отморозки заржали – противно, издевательски, похрюкивая и кашляя. Илья почувствовал, как ровный ежик волос на его затылке пришёл в движение. Выбора нет. Ему придётся драться.

Годы, проведённые на свинарнике, не прошли даром. Техника владения холодным оружием была отточена на мерзких, вонючих животных. Пилигримы, в принципе, не слишком отличались от них, разве что могли ответить на атаку оружием, что делало их куда более грозным противником.

Так, что мы имеем... Нож – один, противников – двое. Выбор цели был делом секундным. Рауф уже достал обрез и в любой момент мог стрельнуть.

Мастерский бросок!

Пилигрим не успел и глазом моргнуть. Нож вошел в грудную клетку по самую рукоять, и Рауф кулём рухнул в пыльную траву.

– Эй, да ты что творишь?! – ошалело вскрикнул Чак, подпрыгивая на месте, его рука скользнула к кобуре. – Да я тебя...

Илья уже прыгал в густые заросли, когда краем глаза увидел мелькнувшую из-за нагромождений ржавых машин тень. Прогремел выстрел. Страшный предсмертный крик разорвал ночь, и всё стихло. Илья не сомневался: умер коротышка Чак. Но кто напал на него? И почему стало так тихо?

Бежать прочь... Именно эту первую и наверняка правильную мысль он отмёл сразу. Кто бы там ни был, он обязан ему жизнью. На пилигрима напал не зверь. Мелькнувшая тень имела человеческие очертания. Но почему тогда Илья не почувствовал присутствия другого человека, его сознание? Возможно, отвлекся, решая, как поступить с бродягами. Да и нож был слишком дорог парню, не оставлять же его гнить в теле мерзкого извращенца.

Робкие всхлипывания, а затем и рыдания девушки нарушили ненадолго воцарившееся спокойствие. Илья осторожно двинулся вперёд. Представшая его глазам картина не могла не радовать. Коротышка Чак лежал на земле, раскинув в стороны руки, выпавшие из раны на животе кишки валялись рядом. Девушка сидела на том же месте, где и была, её тело сотрясали рыдания. Рауф – неподалёку, он так и не смог до конца выдернуть вонзённый в грудь нож.

А это кто?!!

Рядом с поверженным пилигримом лежал мужик: чёрный балахон с капюшоном, густая борода, большой крючковатый нос на мясистом круглом лице, широкие брови и абсолютно

лысая голова. Одна ладонь спасителя сжимала рукоять необычного ножа, орошённого свежей кровью (нож ли это? Илья просто не знал, как назвать неизвестное оружие), другая была прижата к груди. Если уж Чак, по меркам обычного человека, был маленького роста, то незнакомец и вовсе не дотягивал до стандартов.

Карлик.

Кажется, таких людей называют карликами. В памяти Ильи всплыла смутная картинка из детства. Его звали Бакир (в переводе с арабского – «ранний, быстрорастущий»), и он никак не оправдал свое имя. Пацан прожил в Интернате всего семь лет, после чего его сгорбленное, со множеством физических увечий полуметровое тельце зарыли на общем кладбище.

Лежавший на земле незнакомец был немного больше Бакира. Балахон скрывал его широкоплечую, кряжистую фигуру, сложенную правильно, без уродств. Однако не рост спасителя, не его оружие поразили Илью – цвет кожи. А она была белой!

– Ядерная зима! – не веря собственным глазам, проговорил парень, помянув что-то неведомое и страшное. Так выражались взрослые и старики, когда эмоции били через край. – Ты белый!

– Он выпустил этому уроду кишки одним движением, – размазывая по грязным щекам слёзы, проговорила смуглянка. – А вот от выстрела не увернулся.

Проклятие! Неужели Чак убил его!

Илья нагнулся к незнакомцу. В ту же секунду глаза лежавшего на земле открылись. Большие глаза цвета весеннего неба, бездонные, затягивающие в омут беспамятства. Илья дернулся в попытке отстраниться и провалился во мрак.

– Сударыня, да я в который раз спрашиваю вас, что это за земли? Кому принадлежат сии неприветливые да дюже поганые? – вкрадчивый баритон прилетел вместе с вернувшимся сознанием. – О боги, угораздило же меня... – сокрушался тот же голос.

– Мы зовём это место Руинами, – чувствуя сильное головокружение, произнёс Илья, вставая с земли. – Такие, как этот, называют Крысятником, – он кивнул в сторону убитого Рауфа.

– А-а-а, прочухался? – будто знал Илью сто лет, протянул карлик. – Я, грешным делом, подумал, не напутал ли чего с ворожкой! Уж шибко больно бьёт огненная дудка этого злодея, только вот крепка кольчужка оказалась! – он похлопал себя по груди и с интересом уставился на приближающегося парня.

На горизонте с редким частоколом уцелевших древних строений забрезжил рассвет. Незнакомец сидел возле костра, подогнув под себя короткие ноги в причудливых кожаных сапожках с железными клёпками и нашивками. Девушка расположилась напротив, обхватив колени руками, растерянная и удивлённая.

Что сотворил с ним этот голубоглазый карлик? Ведь он провёл в отключке не меньше нескольких часов. Чувства возвращались к Илье, он даже уловил несколько наиболее сильных эмоций от девушки. А вот узнать о том, что творится в голове спасителя, оказалось невозможно. Иногда Илья специально «прислушивался» к окружающим, но чаще всего эмоциональный поток обрушивался самопроизвольно. В данный момент не было ничего.

– Кто ты такой и что ты со мной сделал? – как можно более непринужденно спросил Илья.

– Я, вообще-то, жизнь тебе спас, отрок, а ты даже спасибо не сказал дядюшке Годогосту, – огладив пышную бороду, проговорил карлик. – Разве я не прав?

На вид ему можно было дать как сорок, так и все пятьдесят лет. А эти большие глаза... Да таких глаз просто не бывает у людей!

Отвечая на последний вопрос, Илья кивнул.

– Спасибо, – искренне произнёс он. – Тебя могли бы убить, но ты рискнул. Скажи честно, это из-за цвета кожи?

– А что с ней не так?

– Ну, ты белый, как и я. Ты помог мне, потому-то мы похожи?

– Не пойму тебя, отрок, – на лице карлика, назвавшего себя Годогостом, появилось изумление. – Мы, гмуры, никого не оставляем в беде, особенно сейчас, когда все народы Великой Руси сплотились в борьбе с Бессмертным Некромантом Кошечем!

В речи Годогоста было много непонятных слов. Да и имя такое Илья слышал впервые. Однако сам карлик располагал к себе. Его большие и добрые глаза смотрели с хитрецей и не меньшим любопытством на окружающих людей. Речь была степенной и в меру эмоциональной, несмотря на то, что чувствовал себя спаситель явно не в своей тарелке.

– Кличут-то тебя как? Из чьих будешь? – спросил Годогост, когда парень присел к костру рядом с девушкой.

– Илья.

– И всё? Просто Илья?!

– Да.

– Нехорошо, когда не знаешь собственных корней, ох, нехорошо, – укоризненно покачивая головой, произнёс карлик, протягивая парню крепкую мозолистую ладонь. – Я Годогост из славного гмуровского рода Ключников. Что смотришь и руки мне не подаёшь? Чудной ты, ей-богу!

Илья протянул гмуру руку, и тот крепко пожал её. Наверное, это обозначало приветствие при знакомстве, хотя и выглядело странно для парня. Еще никто никогда не жал ему руку.

– Ты не из этих краев? – предположил Годогост.

– Я интернатовский.

Ответ Ильи ещё больше озадачил любознательного карлика. Девушка и вовсе вздрогнула и непроизвольно отодвинулась от парня. Что знали они, жители Руин, о тех, кто жил в стенах Интерната? Наверное, они считали, что там содержатся одни уроды, чьи гены проиграли войну с заражённым радиацией и химией миром. Что ж, с этим трудно поспорить.

– О боги, я не понимаю, о чём он говорит! Куда я попал?! Что это за место?! – гмур вскочил с земли, рука его нырнула под складки серого балахона. – Сейчас, сейчас...

– Откуда ты сам-то пришёл? – спросил Илья и тут же, не дожидаясь ответа, обратился к девушке:

– Ты раньше видела его?

Брюнетка отрицательно покачала головой, её круглые зелёные глаза под лесом длинных ресниц металась между ним и Годогостом. Гмур в это время извлёк из-за пазухи несколько тряпичных мешочков, затянутых кожаными шнурками, и бережно положил на землю перед собой. Затем в его руке появилась необычная вещь чёрного цвета. Ничего подобного Илья никогда не видел. Хотя нет, кажется, похожую безделушку он лицезрел на выцветшей иллюстрации в старой, разваливающейся на части книге.

«Вот, дети, смотрите, это бумага – древнейший хранитель информации! Она пережила самые современные технологии, канувшие в лету!» – возбуждённо говорил старик Абдул, вознеся над головой пожелтевший томик.

Позже, когда Илья научится грамоте, он с большим трепетом прочёл эту книгу – «Приключения Шерлока Холмса», – написанную древним писателем с необычным именем Артур Конан Дойль. Созданный воображением литератора частный детектив очень любил покурить *трубку*, когда размышлял над очередным запутанным делом.

– Сейчас, сейчас, – шептал в бороду Годогост, развязывая мешочки. – Табачок дядюшки Далибора поможет мне собраться с мыслями.

Щепотка из красного мешочка, немножко из серого и самую малость – из чёрного, всё это – в трубку, да так ловко! Тлеющая палка из костра послужила для розжига. Несколько глубоких затяжек, и борода гмура окутывается густым, пряным дымом.

– Боги, как же хорошо, – блаженно произнёс Годогост, снова присаживаясь к костру. Его голубые глаза излучали счастье.

Заданные повторно вопросы парня он пропустил мимо ушей.

– Ясмина, грязная девка, ты с кем это там сидишь?! – грубый голос, прилетевший со стороны развалин дома, заставил всех обернуться.

Девушка, сидевшая тихо, как мышь, и до этих пор не проронившая ни слова, вздрогнула и попятилась назад.

– Это мой дядя Аббас со своими сыновьями, не отдавайте меня ему! – взмолилась брюнетка, её зеленые глаза вмиг наполнились слезами.

– А ну, живо домой! Ты что, не знаешь, что твоя тётка Ирада больна и не может выполнять своих обязанностей?! – зло орал Аббас: узколиций, смуглый, с узкими как щёлки глазами. – Живо, потаскуха!

Аббас, хромой и при ходьбе опирающийся на деревянный черен, шёл не один. За ним следом семенили его сыновья, похожие меж собой как две капли воды, такие же смуглые и худые.

– Я не хочу обратно, они издеваются надо мной! Они отдали меня пилигримам, чтобы спасти остатки пищи! – заверещала зеленоглазая Ясмина. – Умоляю, спасите!

Илья поднялся с земли. Это какое-то проклятье! Данная особа как магнит притягивает к себе несчастья. Годогост уже тоже был на ногах и меланхолично вытряхивал пепел из трубки. Только сейчас парень заметил, что трофейное оружие, доставшееся после боя с бродягами, лежало недалеко от гмура, там же был и его самодельный нож.

Как поступить в подобной ситуации? Одно дело – защищать её от пилигримов. Эти отморозки точно бы не оставили её в живых. И совсем другое дело – связываться с этими тремя. Сейчас к ним спешили родственники девицы, пусть и такие ужасные, как она говорит. Но это родственники! У Ильи их никогда не было.

– Что же ты, человек, девку обижаешь, в роду твоём состоящую? – баритон Годогоста сделался стальным. – Нехорошо это!

– Азат, Азиз, гляньте – белые! – смерил их презрительным взглядом Аббас, трупы пилигримов его совершенно не волновали. – А этот-то совсем малюсенький! Что, папке было жалко больше брюзгнуть?

Обстановка накалялась, в руках братьев появились ножи. Всё же нападать на людей, убивших пилигримов, они не решались.

– Либо ты идёшь по-хорошему, либо я тебя заставлю! – сквозь зубы процедил Аббас. – Вы расправились с пилигримами, спасли её, ваше право воспользоваться девкой, хоть вы и белые, – более мягко и учтиво продолжил мужчина, смотря на Илью и Годогоста. – Но она моя и должна вернуться домой!

– Пошёл ты! – глаза Ясины сверкнули яростью. – Мерзкий извращенец! Ненавижу тебя!

– Азат!

Этот короткий выкрик Аббаса привёл в действие одного из близнецов.

– Стоять! – зычный голос Годогоста буквально морозом прошёлся по телу Ильи.

Мерзкие, пошлые мыслишки, перемешавшись со страхом, роились в головах жителей Руин. Аббас жутко ревновал племянницу как женщину, которой не единожды обладал.

А забитые с детства сыновья боялись гнева отца и готовы были сделать что угодно. Впрочем, мысли о сестре заботили их не меньше. Отец состарится и умрёт, а она достанется им.

Сорвавшийся с места близнец Азат застыл как вкопанный, уперев непонимающий взор в распростёртую перед ним ладонь Годогоста, нож он выронил. Взгляд гмура стал ледяным.

– Мил человек, не гневи богов, уйдите с миром, сударыня не желает к вам возвращаться, – вкрадчиво произнёс карлик, обращаясь к Аббасу. – Сегодня ночью уже пролилась кровь...

– Кто ты такой? – голос главы семейства дрогнул, но через мгновение он справился с собой, снова крикнул: – Азат, что ты встал перед ним, хватай девку!

Слова отца как бич хлестнули по спине парня. А вот с места он так и не двинулся, как ни пытался. Илья видел, как лицо Азата, наткнувшегося на незримую преграду, исказила страдальческая гримаса, а сам он медленно стал опускаться на колени.

– Азиз!!! – взревел хромоногий Аббас, махнув в сторону гмура черенком, и едва не упал. – Хватай стерву и живо домой!

Вторая рука с широко раскрытой ладонью взметнулась вверх, и Азиз завяз в невидимых путах. Вены на лысых висках Годогоста вздулись, на лбу появилась испарина, было видно, что ему нелегко.

Ясмينا застыла, не понимая происходящего. Впрочем, как и все остальные.

– Не гневи богов, отзови сыновей! – хрипло произнёс Годогост, впериw ледяной взгляд в Аббаса.

– Кто ты такой? – вновь повторил мужчина, отступая. – Боги, о каких богах ты говоришь?! Разве ты не знаешь, что их нет?

Илья чувствовал сковавший Аббаса страх, житель Руин едва держался, чтобы с позором не броситься наутек.

Бог. Это слово Илья встречал в некоторых книгах, старик Абдул пытался объяснить ученикам, что оно значит, едва ли сам понимая его истинное значение.

Какое-то время Илья плотно занимался эти вопросом, однако исчерпывающего ответа так и не получил. Уцелевшие книги, хранившиеся в подвале Интерната, где, собственно говоря, и проходили занятия, не содержали нужной информации. Парень понял одно: это не человек, а что-то могущественное, даже сверхъестественное, стоящее над всеми людьми.

– Отпусти, отпусти моих сыновей! – голос Аббаса сорвался, стало понятно, насколько тот слаб и немощен. – Мы уйдем, я обещаю! Забирайте эту шлюшку себе! Она ещё пожалеет, что покинула отчий дом!

Гмур взмахнул руками и резко опустил их. Корчившиеся от сильной боли близнецы рухнули в пыльную траву, у обоих из носа текла кровь.

– Уходите, – спокойно произнёс Годогост. – Не испытывайте моё терпение.

Через пару минут родственников Ясины не стало, ушли быстро, не проронив ни слова.

– Спасибо, – вымолвила смуглянка, замороженно смотря на гмура. – Я очень благодарна вам обоим...

– Так, всё, хватит! – оборвал её Годогост, выглядел он уставшим и едва держался на ногах. – Мне это порядком надоело! Что это за место? Кто вы такие и почему все эти люди на вас нападают?

Только сейчас Илья ощутил всю чужеродность, которой веяло от Годогоста. Само его существование не вязалось с концепцией этого мира. Мира, который был чужим и для него. Мира, где не было чудес. Но как же тогда назвать то, что минуту назад творил Годогост? Разве это не чудо?

– Я не знаю, кто ты и откуда, но постараюсь объяснить, – Илья пытался подобрать слова, боясь подолгу смотреть в большие глаза гмура. – Эти развалины вокруг – остатки крупнейшего мегаполиса на Земле, ныне Южное Ханство Якуба Великого. Люди, с которыми ты помог мне расправиться, – пилигримы, кочевники, не имеющие своего дома. Обычно они собираются в большие группы, банды и грабят Низшие районы Руин, где нет нукеров¹. Эти, – он махнул в сторону удалившихся мужчин, – обычные жители Руин, ещё их называют диггерами. Обитают они в основном в подвалах, в подземных убежищах под разрушенными зданиями, где наиболее безопасно.

– Но ты не из их числа, – утвердительно произнёс Годогост, присаживаясь к потухшему костру.

– Верно. Вся свою жизнь я провёл в Интернате, совсем недалеко отсюда, но словно в другом, закрытом мире. Всего несколько часов на свободе, и я уже успел вляпаться в историю с убийствами!

– Невольник, стало быть, – взгляд голубых глаз стал мягким, растаяли колючие крупинки льда. Годогост вздохнул и хмуро добавил: – Я теперь тоже.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не из этого мира, отрок, – сокрушённо ответил гмур. – Прав был светлый маг альвов, Акамир, ткань между измерениями истончилась, начала рваться...

– Люди! – испуганно выкрикнула Ясмина, прерывая разговор мужчин. – Смотрите, вон они! Человек десять, не меньше!

¹ Нукеры – дружинники хана.

– Пилигримы, – настороженно вглядываясь вдаль, испуганно проговорил Илья. – Надо уходить, пока не поздно!

– Пойдёмте за мной! – решительно произнесла зеленоглазая смуглянка. – Здесь мы не спрячемся! Они сейчас тут всё перевернут, когда увидят трупы своих.

Илья метнулся к телам бродяг, стаскивая потрёпанные кобуры и подсумки для патронов. Годогост, недолго думая, подхватил обрез и пистолет, своё странное холодное оружие он приладил где-то под балахоном.

– На, никогда не бросай его, – он протянул Илье его самодельный нож.

– Бежим! Скорей! – крикнула Ясмينا.

Они бросились через захламленный, заросший травой и кустарниками двор вслед за стремительно убегающей девушкой. Обогнув строение, Ясмينا направилась в сторону низкорослой рощи. Трава под ногами влажно зачавкала: болота – частое явление в этих гиблых местах.

– За мной, за мной, не отставайте! – крикнула через плечо девушка.

Роща начиналась с редко растущих низеньких деревьев. В основном это были мутировавшие берёзы: изящные стволы, тонкие ветви, густо усыпанные зелёно-синей листвой. Тут было безопасно. Это вам не сосновый лес, где, наткнувшись на иголку, можно получить сильнейшее отравление. По мере продвижения вперёд лес стал густеть, почва сделалась сухой, а из-под густого ковра палой листвы то тут, то там проглядывали грибы.

– Чудной лес. Вроде и березняк растёт, а вроде и нет, – осматриваясь по сторонам, вымолвил гмур, когда они, наконец, перешли на шаг. – Эка меня занесло!

Илья и сам удивлялся увиденному. Конечно же, он многое знал о мире за стеной, но одно дело – рассказы, а другое – когда ты сам топчешь окрестности Руин. Тут почти не осталось пригодных для жилья строений. Редкие островки жизни посреди болот, лесов и древних курганов.

– Это мое личное убежище, о нём никто не знает, – заговорщически смотря на мужчин, проговорила Ясмينا. – Я часто пряталась тут от дяди и братьев, когда умер отец.

Они приблизились к заросшему разнотравьем холму. Ясмينا раздвинула серо-зелёные кусты, и беглецы увидели ржавые железные двери.

– Осторожней, не ломайте и не топчите естественную маскировку, – попросила девушка, не без труда открывая вход. – А-ай!

Смуглянка взвизгнула, зажимая рот, и отпрыгнула в сторону. Из подвала, фырча и клацая желтыми зубами, выпрыгнула огромная крыса. Животное – розовое тело, лишённое шерсти, кое-где покрытое чешуёй, остроносая морда с вываливающимися из орбит глазами, – кинулось в атаку. Удар ногой навстречу ещё больше взбесил мутанта, Илья приготовился ещё раз отразить нападение. Однако тут снова вмешался ловкий гмур. Длинный прямой клинок рассёк крысу пополам, и она запищала, задёргалась в предсмертных конвульсиях.

– Какая мерзкая тварь! – поглядывая на тёмный зев подвала, прокомментировал Годогост.

– Отличный ножик, – одобрительно смотря на гмура, сказал Илья. – Я такой никогда не видел.

– Это меч, отрок! А имя ему – Монислав! – торжественно произнёс Годогост, вытирая прямое лезвие о траву. – Его ковали в Северном королевстве, под Железной горой!

Напыщенная речь гмура должна была произвести впечатление на Илью, но нужных эмоций он не получил. Что знает этот юнец о землях великой Руси? Ровным счётом ничего. Как и он сам – о Руинах.

– Переждём тут, – указала Ясмينا на открытый подвал. – Пока пилигримы не уйдут. Только надо проверить, нет ли там ещё крыс.

Первым в тёмное и на удивление сухое помещение спустился Годогост, следом – Илья. Девушка зашла в убежище только после того, как её позвали. Мутантов здесь больше не было, царили мрак и тишина.

– Я нашла это место не так давно. Убежала, когда дядя Аббас снова начал меня трогать... – девушка запнулась.

Было видно, как ей трудно вспоминать пережитое.

– Прибрала здесь, обустроилась, найдя нужные вещи, а потом стала часто уходить сюда днём, когда безопасно и ночные твари спят.

– Он больной ублюдок, как и твои братья, – выпалил в сердцах Илья. – Кто ещё с вами жил? У вас большая община?

– Нет. Нас осталось всего десять.

Гулкие выстрелы, донесшиеся с развалин дома, здесь, за закрытыми дверями, походили на раскаты грома. Пилигримы принялись за своё излюбленное дело.

– Уже меньше, – спокойно констатировал парень. Ему было совершенно не жаль этих людей.

Когда глаза привыкли к мраку, Илья стал разглядывать убежище. Подвал оказался большим, только вот основная его часть была завалена различными стройматериалами. Кирпичные стены с облупившейся штукатуркой, панцирная кровать в очищенном от хлама углу, подобие лавочки из двух булыжников и доски между ними, ржавый бак, служивший столом. Нехитрое убранство, но это всё её, Ясины.

Илья, прошедший всю жизнь в казённых стенах, не знал, что такое иметь собственный угол. И только учебный класс в подвале Интерната со своей неповторимой атмосферой, где раз в неделю старик Абдул проводил занятия, давал хоть какое-то чувство уюта и домашнего тепла. Там, среди старинных книг, аккуратно расставленных на полках древних шкафов, Илья чувствовал себя свободным и счастливым. Учеба давалась ему хорошо, он впитывал знания с жадностью и восторгом, которые скрывал за непроницаемой маской безразличия. Его одноклассники, а их набралось тридцать человек, те, кто сами решили посещать уроки, во многом отставали от него. Несколько блестящих ответов и прочтенное по памяти стихотворение стали причиной зависти, а потом и откровенной ненависти, со стороны некоторых горе-учеников. Его отлупили сразу же после занятия, по дороге в казарму. Трое пацанов, за год не запомнивших алфавит, и девчонка, не упускающая возможности пообжиматься с парнями во время перемены. Тогда Илья решил не выделяться, быть как все и даже хуже. Однако, это не мешало главному – знаниям. Он твёрдо знал, что лучший в классе, знал об этом и старик Абдул.

– Как ты это делаешь? – Илью разбирало любопытство. – Сначала меня вырубил, потом дигтеров взмахами рук на землю уложил. Телекинез? Телепатия?

– Рус же, по челу видно – рус, но вот гутаришь, ей-богу, не по-ихнему! – кустистые брови гмура сошлись к переносице. – Как, спрашиваешь, приложил я вас? Магия это, отрок, – Годогост тяжело вздохнул, взгляд его стал печальным, задумчивым. – Наследие лесных родственников – альвов, будь они неладны!

Телепатия, телекинез – термины, что вычитал Илья в книгах, – в какой-то мере объясняли и его способность чувствовать эмоции других людей. Но вот магия – это же сказка, как та... про странствия мага. Пожелтевшая книга была без обложки, да и последних страниц не хватало, поэтому Илья всегда сам додумывал финал этой истории...

– Я гмур, отрок, житель подземелий, мастер-кузнец, продолжатель великого рода Градимира Ключника и позор своей семьи, – сокрушённо продолжил Годогост, свесив голову на грудь. – Понимаешь?!

– Нет.

– Никакой я не мастер. Железо и другие металлы... Я никогда не чувствовал их, а они не подчинялись моим рукам. Мой род, издревле славившийся своими непревзойдёнными, хит-

рыми и крепкими замками, надёжно запиравшими сокровищницы по всей Руси и за её пределами, лишился одного из своих продолжателей. Я не мог и ключа выточить, не говоря уж о сложных механизмах! Зато магия мне удавалась с пелёнок! Мне, гмуру Южного королевства, жителю Острой горы!..

Эмоциональная речь Годогоста была прервана раскатами новых выстрелов. Услышав истошный женский крик, долетевший со стороны Руин, притихшая Ясмينا изменилась в лице. Девушка вскочила с кровати, зажимая рот ладонями, по щекам её вновь побежали слёзы.

– Это Ирада, моя бедная тетька, – прошептала девушка сквозь рыдания. – Вот уже несколько месяцев она не могла подняться с постели. Болотный клещ укусил её за спину, и у неё отказали ноги.

Снова слёзы. У этой девицы всё время глаза на мокром месте. Илья не припоминал, чтобы девочки в Интернате вели себя настолько сентиментально. Борьба за лучшие места в казарме, за понравившихся парней, одежду и совсем уж дефицитную косметику делали из них жестоких, алчных стерв. Показать слёзы – значит, показать слабость. Это было недопустимо. Ясмينا же – другая. Её внутренний мир соответствовал привлекательной внешности. Как, впрочем, и уродства интернатских девчонок согласовывались с их же мировоззрением. Даже бесформенная глыба жира – воспитательница Сабина – выглядела на их фоне вполне сносно.

– Она единственная, кто ко мне хорошо относился после смерти папы, – Ясмينا, не находя себе места, стала мерить подвал шагами. – Твари, они убили её!

– Так что же мы её не забрали? – искренне удивился Годогост. – Если бы ты сказала...

– Она была обречена, – перебил его Илья. – Укус болотного клеща убивает жертву, пусть сама смерть и затягивается на несколько мучительных месяцев.

– Эвона как! Да только Годогост и не такую хворь сымал. Врачевать – не воевать, тут другая ворожба нужна, но и она мне подвластна! – с серьёзным видом произнёс гмур, оглаживая черную бороду.

– Не успели бы, – девушка вновь присела на скрипучую кровать. – Пилигримов много, всех бы перестреляли.

Занявший лавочку Годогост заворчал на незнакомом языке, полез под балахон, доставая знакомые тряпичные мешочки. Тонкая полоска света из-под неплотно закрытой двери колыхнулась, на мгновение исчезая. Кто-то был снаружи. Затрещали кусты и путники напряглись, вслушиваясь в звуки. Пилигримы? Неужели нашли?

Крысиная морда протиснулась в щель, слизистый нос, лишенный усиков, стал обнюхивать помещение.

– Вот же тварь, напугала! – с облегчением выпалил Илья, замахиваясь на мутанта рукой. – А ну, пошла отсюда!

Мутант взвизгнул и исчез из виду.

– Хитрая сволочь, на разведку приходила, ночью здесь их будет целая стая, – Ясмينا поёжилась, обхватив руками узкие плечи.

– Вы собираетесь провести здесь ночь?! – удивился Годогост. – Неужели нет более безопасного и добротного места?

Молодые люди переглянулись.

– В округе такого нет, – выразил общую мысль Илья.

– Боги, что же это за мир такой жалкий?! – выпуская густой дым, проговорил Годогост и добавил, сверля присутствующих строгим взглядом:

– Вы как хотите, но мне надо возвращаться домой! Пока ещё не знаю как, но я обязательно найду способ!

Глава 2

Когда Илью выпустили из карцера, и он приступил к ежедневным обязанностям на свинарнике, голод уже сводил его с ума. Днём, когда солнце нещадно палило изуродованную вой-

ной местность, было ещё терпимо. Тяжёлая работа на жаре выматывала, а жажда приглушала все остальные потребности. Но так не могло продолжаться вечно, силы оставляли молодое тело, парень сильно похудел и едва справлялся с поручениями.

– Ты что это, беляк, захворал? – спросил Фарит, расплывшись в ехидной улыбке. – Сдохнешь, наверное, скоро, как все твои предки. Шевели ногами, нам ещё пять загонов от дерьма надо очистить!

В тот самый день Илья решил пойти на беспрецедентный шаг – воровство. Сумасшедшая тяга к столовской еде прошла. Даже будучи голодным, он испытывал отвращение к этой пище. Узнать же, чем потчуют воспитателей-надзирателей, было его давней затеей. Сабина, как и другой начальствующий персонал, жила в отдельной комнате, в ней же предпочитала ужинать после трудового дня.

Он пришёл к её окнам, когда стемнело. Его казарма была погружена в безмятежный сон, поэтому выбраться оказалось делом плёвым. Запах жареного мяса, такой сладкий, манящий, Илья почувствовал ещё на подходе. Их не кормили мясом, в лучшем случае воспитанникам Интерната доставались внутренности животных и птиц, разведением которых они же и занимались. Подобное поощрение было ежемесячным и горячо встречалось подростками и детьми. Ароматы готовящихся блюд из другой, закрытой для рабочих, столовой, конечно же, долетали до них. Кто-то даже видел, как готовят для воспитателей. Впрочем, заострять внимание на подобной мелочи никто не помышлял. Тяжёлый трудовой день заканчивался миской сытной каши и травяным отваром, и этого вполне хватало.

Пластиковое окно с пожелтевшими от времени рамами и разбитым стеклопакетом было распахнуто. Небольшую комнату заливал мягкий свет затухающей керосиновой лампы. Сабина распласталась на широченной кровати, занявшей большую часть жилища, абсолютно голая, не удосужившись прикрыться. Складчатое тело сотрясалось от сбивчивого, тяжелого храпа и громких звуков, характерных для повышенного метеоризма. Про таких говорят: «Мутант ползадницы сожрёт, а она и не проснется!» Остатки трапезы валялись вокруг толстухи: на скомканной засаленной простыне, на подушке и полу. Илья скривился от отвращения. Комната Сабинины напоминала его рабочее место – свинарник. Однако кое-что из съестного воспитательница решила оставить на утро. Тарелка с жареным мясом стояла на прикроватной тумбочке. Стоило только перевалиться через подоконник – и желаемое будет в его руках. Илья сглотнул вмиг наполнившую рот слюну. Желудок жалобно заурчал, да так громко, парень не на шутку испугался, что его услышит Сабина. В ту ночь и десятки последующих всё проходило гладко, за исключением сильных приступов диареи. Немудрено, ведь Илья впервые ел мясо и другую незнакомую еду, буквально утопающую в свином жиру. «Сколько веревочке ни виться, а конец будет», – эту древнюю пословицу он прочитал на занятиях. А потом она воплотилась в реальность. Сабина поймала его, и это не сулило ничего хорошего.

– Как ты попал в наш мир? – Илья нарушил тишину, обратившись к задумчиво курящему Годогосту. – Что с тобой произошло?

– Как ни прискорбно признавать, отрок, я убежал, – гмур со вздохом выпустил клубы ароматного дыма. – Как и сегодня... от этих ваших пилигримов. Проклятая нежить! Сколько их было? Сотни, тысячи, даже не знаю... Мерзкие твари! Они нагнали меня у границы Вороньего леса, по пути в славное Сыроземское² княжество.

– Кто за тобой гнался? – не вытерпел Илья.

² Сыроземское – произошло от слов – Мать – Сыра Земля – женский образ олицетворённой плодородной, родящей землиматери.

– Усопшие, но вороченные к жизни тёмными чарами некроманта Кошея! – в больших глазах гмура мелькнул страх. – Мёртвые покинули свои могилы, чтобы присягнуть древнему колдуну! Такого Русь ещё не видывала, отрок!

– Вот это да! – искренне изумился Илья. – У вас там просто эпический замес!

Ясмина, удивлённая и растерянная, по обыкновению промолчала.

– Мне кажется, или ты в действительности не понимаешь, о чём я говорю, Илья? – Годогост впервые обратился к парню по имени.

Многие его выражения остались для гмура загадкой, но смысл он уловил.

– Русь ещё не была настолько беззащитна перед врагом. Убитые в бою пополняют армию некроманта! Орки, гоблины, степняки... Говорят, и они не прочь примкнуть к Кошею!

– Удивительно! Эти народы... Они же сказочные! – Илья вдруг смутился, почувствовав, как бестактно прозвучали его слова.

Пытаясь оправдаться, он продолжил гораздо менее уверенно:

– У нас про них создано множество фантастических историй, былин и легенд. Но это ведь всего лишь вымысел...

– Вымысел, говоришь? – густые брови гмура взлетели вверх. – Незавидна участь попавшего в лапы голодного гоблина, ох незавидна! Сначала он придушит тебя, свяжет покрепче, а потом, когда чувства вернутся, распорет живот! Аккуратненько так, чтобы ты раньше времени дух не испустил. Следом за начинку возьмется, не спеша, смакуя: соль, перчик, травки всякие душистые, хорошенько кишки твои натрёт, перемешает, да и заштопает живот, как штанину рваную! К тому времени угольки в костре поспеют, на вертел повесит, ори не ори, да запечёт до румяной корочки! Это они раньше тёмные были, сырое мясо жрали почему зря...

– Этим нас не удивишь, – честно признался Илья. – Пилигримы несколько не лучше твоих гоблинов!

– Так вот, сплю я, значит, в тени дуба кряжистого, никому не мешаю, – умиротворенно продолжил Годогост, затянувшись табаком. – Уж больно много вёрст отмотал за прошедший день, умаялся. Да вот только слуха мне, жителю Острой горы, не занимать. Хруст веток, шуршание листвы – я услышал мгновенно. Но то не зверь шёл – его дыхание и поступь особенные, я бы не перепутал. Тут же слышалось что-то другое, непонятное... неопределяемое сквозь дрёму. Одно я знал точно, вскакивая с земли: приближавшийся ко мне был бездыханным и непомерно смердящим! Я впервые увидел живого мертвеца, точнее, мертвячку. Вид разлагающейся, со спутанными седыми волосами старухи поверг меня в неопикуемый ужас! Она замычала так, словно страдала от жутких пыток, какими славятся гоблины, и протянула ко мне обглоданные до костей конечности...

– Зомби, у вас там разгуливают зомби, – вновь вмешался в рассказ удивленный Илья.

Гмур вопросительно изогнул густую бровь и посмотрел на парня.

– Ну, у нас живых мертвецов называют – зомби, ну или зомбаки, ходячие...

– Они и у вас есть? – удивился Годогост.

– Нет, нет, это всё книги, я там про них читал и один раз видел в кино. В подвале Интерната сохранился древний дисковый плеер, старик Абдул иногда включал его нам.

Гмур нахмурился. Опять этот парень изъяснялся незнакомыми ему словами. Но ему стало понятно, живых мертвецов, ну или, как говорит Илья, зомби, в этом мире не было.

– Продолжай, продолжай, извини, что перебил твой рассказ, – попросил Илья, он подобрал с земли оружие и патроны пилигримов и положил рядом с собой на кровать. – Я пока посмотрю, чем это мы разжились.

– Старуха была не одна. То тут, то там из густого подлеска стали появляться другие мертвецы. Кого тут только не было: люди, гмуры, альвы, гоблины, орки, даже лесной тролль-великан, едва не рассыпающийся на части. И я побежал, – Годогост вытряхнул пепел из трубки и убрал её в тряпичный кисет. – Но бежать уже было некуда. Армия нежити окружила меня

со всех сторон. Мне ничего не оставалось, как только ещё глубже удаляться в Вороний лес. А потом я увидел старую покосившуюся деревянную избу, она стояла на поросшей разнотравьем поляне. Рядом возвышался сложенный из камня оголовки колодца. Ржавый ворот с оторванной верёвкой, разошедшееся деревянное ведро – всё говорило о том, что хозяева давно покинули это место. Укрыться в хате? Да там и дверей-то нет! Я бросился к колодцу. Грубый, неотёсанный камень позволял без труда спуститься до самого края тёмной воды. Мертвецы плотным кольцом окружили поляну, их жуткие, невнятные звуки-стоны звучали со всех сторон. И я, конечно же, полез в колодец, будь он неладен!

Илья слушал историю гмура, она казалась нереальной, даже сказочной. Впрочем, всё, что случилось с ним после встречи с Годогостом, также не укладывалось в привычный уклад жизни. Его мир – до примитивного прост и жесток, без богов и чудес. Там же, откуда пришёл гмур, дела обстояли иначе, хотя смерти и жестокости тоже хватало.

Зеленоглазая Ясмينا также не без интереса внимала словам гмура. Чудной карлик, каким показался он ей поначалу, оказался не простым мутантом Руин, а пришельцем из другого мира. То, как он с легкостью, не применяя физической силы, прогнал её родственников, произвело на неё неизгладимое впечатление.

Звуки стрельбы уже давно смолкли, но она продолжала вслушиваться в мёртвое спокойствие наступающих сумерек. Её семьи, её маленькой общины больше нет – с этим фактом не поспоришь. Однако мысль о том, что она должна увидеть всё собственными глазами, не покидала голову девушки. Зрелище не для слабонервных, но это того стоит. Слишком часто Ясмينا представляла предсмертные муки дяди Аббаса и своих двоюродных братьев. Бедная тётя Ирада – она не могла защитить её от издевательств мужчин, сама находясь не в лучшем положении. Женщина, заменившая ей мать, ни в чем не виновата, её тело надо предать земле.

– Я был уже у самой воды, когда в колодец заглянул мертвец! – взволнованно говорил пришелец из другого мира. – Это был орк. Его мутные глаза-бельма уставились на меня, он зарычал, роняя из зубастой пасти пенящуюся слюну. Ещё секунда – и он перевернется через каменный борт колодца. Я понял: пришёл мой конец. Но отправиться к праотцам в этот день мне было не суждено. Грудь обожгло огнём, от внезапной боли я едва не сорвался вниз. Орк бесновался, протягивая ко мне покрытые гнойными струпами руки. Ещё две гадины присоединились к нему, мычали, сучили конечностями, толкались, мешая друг другу. Потом ещё одна вспышка боли, но уже гораздо сильнее. Ноги мои затряслись, в глазах запестрило от быстрой смены видений. Я видел разрушенные чертоги, пустынные земли, болота и непроходимые леса, кишачие невиданными тварями. Я видел ваш мир, чада! Боль усилилась. Не в силах более терпеть, я сорвался в тёмную глубину колодца. Холодная вода поглотила меня, принося спасительное облегчение. Непроглядное дно вдруг засияло, заискрилось. Этот свет тянул меня невидимыми путями, увлекал в сияющее марево, а спустя миг я вынырнул из воды и оказался не просто в другом месте, а как выяснилось и в другом мире!

Годогост потянулся к груди, рука нырнула под балахон, пальцы ловко расстегнули крючочки на его странной, сделанной из мелких стальных колечек одежде. На груди гмура красовался немалый ожог в форме ключа.

– Это моя первая работа, – Годогост извлек висящий на цепочке ключ.

Ничего необычного: серый блеклый металл, круглая головка с дырочкой посередине, через которую, собственно говоря, и была продета цепочка, в меру длинный стержень с выступами на конце.

– Помню, как мои братья потешались надо мной, узрев плоды моего многодневного труда. «Выбрось это уродство, не дай бог, его увидит мастер», – кричали они. Конечно, потом были ещё попытки сделать что-то достойное, но они также не увенчались успехом. Все свои работы я кидал на переплавку. Но этот!.. – большие глаза гмура заискрились. – Этот я так и не смог выбросить...

Рассказ пришельца из другого мира прервал отвратительный, чудовищный скрежет. Казалось, множество острых когтей и зубов одновременно впились в стальную дверь. Собеседники едва успели переглянуться, как ржавые петли протяжно скрипнули, и в подвал хлынула розово-серая река. Мутировавших грызунов было не меньше сотни!

Ясмина вскрикнула, в один миг оказавшись с ногами на ржавой кровати. Илья среагировал на удивление быстро, заряженный им всего несколько минут назад обрез оглушительно грохнул в сплетение мерзких крысиных туш. Тщетная попытка защиты! Она могла увенчаться одним: мучительной смертью от когтей и зубов мутантов.

Темноту подвала озарила яркая вспышка. Возникшая из ниоткуда алая преграда, что как мыльный пузырь обступила спутников со всех сторон, отрезала от них остальной мир. Здесь, за прозрачной стенкой, как за стеклом, было все немного иначе.

Звуки извне не проникали сквозь прозрачно-алую преграду, это как попасть в отдельное помещение с герметично закрытыми дверями. Температура внутри в мгновение возросла, от стены буквально пыхало жаром, в воздухе летал слабый запах разнотравья. Всё это успел заметить внимательный парень, по-прежнему пытавшийся зарядить обрез неумелыми движениями трясущихся пальцев. А потом волна крыс коснулась защитного купола и полыхнула, как жгучий пух тополей-мутантов. В мгновение ока иссиня-алое пламя прокатилось по стае, оставляя на полу лишь горстки пепла.

Годогост, всё это время декламировавший что-то вполголоса на странном и резком, как карканье степного ворона, языке, внезапно замолчал. Тело его качнулось, подбородок упал на грудь. Илья в последний миг успел подхватить бесчувственного гмура и уложить на кровать. Лицо пришельца было мокрым от пота, дыхание глубокое и равномерное, он спал, очевидно, затратив на свои чудеса все силы. Однако защита вокруг людей не исчезла, а лишь стала чуть менее яркой.

– Надо было чем-то подпереть двери! Ты слишком беспечна, – сказал парень, с укором глядя на девушку. – Как ты вообще выжила в Руинах?! Могла бы и подсказать двум новичкам, что нужно быть осторожней.

Смуглая кожа на щеках Ясины потемнела.

– Да шучу я. Сами дураки. Как можно было допустить такое, – улыбаясь, произнёс Илья, поглядывая в сторону открытой настежь двери. – Как теперь пройти сквозь эту стену и закрыть подвал?

Прошло уже не меньше часа. Годогост так и не проснулся, а вот светящаяся преграда исчезла. Вместе с ней пропал и единственный источник освещения и тепла. Подперев дверь доской, которая раньше служила лавкой, Илья осторожно вернулся к кровати, присел рядом с девушкой, стараясь не задеть спящего гмура. Ночь вступила в свои права, а вместе с ней явился и холод, заполнивший подвал. Сидеть в крошечной темноте, прижавшись к девушке, было волнительно и, что немаловажно, значительно теплее.

– Это что-то невероятное! – впервые за всё время знакомства в голосе Ясины послышались спокойные и радостные нотки. Илья почувствовал изменения, разум девушки очистился, стал немного светлее, а тревога и страх отступили, съезились тёмным пятном на задворках сознания. – Как он это делает?! Я никогда ничего подобного не видела!

– Это называется волшебством, магией, я читал про это в некоторых книжках, – пояснил парень. – Но никогда не встречал в своей жизни. Я думаю, в нашем мире этого просто нет.

– Точно нет, – согласилась девушка. – И не может быть.

Илья услышал, как застучали её зубы.

Летняя одежда, в которую была одета Ясмина: легкая серая футболка и подданные джинсы, – не очень-то спасала от сырой прохлады. Девушку начало трясти.

– Прижмись плотней, – Илья осторожно приобнял Ясмину за плечи, прижал к себе. – Не бойся. Как видишь, одежды теплой у меня тоже нет, так что будем греть друг друга.

Девушка не отстранилась, а лишь плотнее приникла к парню. Впрочем, в ином исходе Илья не сомневался. Все эмоции Ясины по отношению к нему, пусть и сумбурные, он видел как на ладони.

– Интересно, как долго он проспит? – в голосе девушки снова зазвучала тревога. – Вдруг к нам ворвётся кто-то поопаснее крыс. Дикае псы – они чувствуют человека за многие километры. Эта дверь и хлипкая палка не спасут от этих гадин!

Илья слышал об этих существах. Когда-то они были домашними животными, но впоследствии одичали, а радиация и бактериологическое оружие изменили их не в лучшую сторону. Эти твари населяли бескрайнюю пустошь, со всех сторон окружавшую Южное Ханство. Излюбленным местом охоты для псов служили незащищенные Руины, а их обитатели – как обычные люди, так и мутанты – лакомой пищей.

– Не знаю, – пожал плечами парень. – Нам остается только надеяться на лучшее и дожидаться рассвета.

Угрозы этого нового для Ильи мира страшили его, однако, они выглядели смехотворными в сравнении с открывшейся свободой. Он до сих пор не верил, что это всё происходит с ним. Жизнь в убогом, замкнутом месте закончилась. Ненавистные стены Интерната остались в прошлом. Но вычеркнуть из памяти ничего не получится. Ему никогда не забыть пережитого.

«Беляк, ты думаешь, что самый умный?! – от Сабины воняло потом и жареным мясом. – Напрасно! Я долгое время наблюдала, как ты жрёшь мои объедки! Что, вкусно?!»

Грузное тело прижало его к стене, пухлые губы женщины коснулись уха.

Сабина с вожделием прошептала: «Ты не дурак, малыш. За твои проступки тебя ждет жестокое наказание. Но есть и другой вариант – услуга за услугу. Не знаю уж, как ты догадался, что ваша жратва – вызывающее зависимость дерьмо, да еще умудрился соскочить, – ее руки с короткими жирными пальчиками стали жадно ощупывать мускулистый, загорелый торс Ильи. – Я могу сделать вид, что ни о чем не знаю, еду будешь есть из нашей столовой, а взамен... – ладонь воспитательницы скользнула за ремень брюк, стала шарить в его трусах. – Взамен ты будешь отрабатывать тут, в мой спальне. С этих пор все мои желания – это закон, белая сосиска».

От отвращения Илью передернуло. Ясмина не обратила на это внимания, подумала, что парень просто дрожит от холода.

– Сколько тебе лет, Илья? – дыхание шёпотом говорившей девушки приятно защекотало ухо.

– Шестнадцать.

– О, да мы ровесники. Как жилось тебе там, в Интернате? Я многое слышала об этом месте, только вот не знаю, что правда, а что вымысел.

– А что ты слышала? – тема разговора была, мягко говоря, неприятной, но Илья не стал пасовать.

– Ну, там все мутанты с ужасными уродствами. Многие из них – дети знати, приближённых хана. Родители сдали их, чтобы не позориться. А ты... – девушка запнулась, подбирая слова, Илья чувствовал её смущение. – Ты совсем не такой...

– Я белый, а значит, урод, – спокойно констатировал парень.

– Таких Интернатов много в каждом ханстве, они снабжают знать продовольствием и одеждой, – продолжала Ясмина. – А ещё оттуда невозможно сбежать.

– Ложь.

– Что именно? Всё?

– Нет. Я же тут, – парень плотнее прижал девушку к себе. – Значит, есть способ сбежать.

Подвал озарило синеватым свечением. Молодые люди, испугавшись, как по команде спрыгнули с кровати.

– Не бойтесь, чада, – спокойно произнёс гмур, усаживаясь на скрипучей кровати, в его руке светился неровный обломок камня. – Это кристалл Светляк, такие встречаются очень редко в недрах нашей славной Острой горы. Этот я нашёл ещё в детстве. С тех пор он всегда при мне. Моя магия питает его, он же, в свою очередь, дарует мне свет и не только. – Годогост провёл над кристаллом раскрытой ладонью, и Светляк послушно померк, уменьшив радиус и яркость свечения. – Вот так-то будет лучше. В моем мире он способен отпугнуть множество животных. Что будет в вашем, я не знаю. Может случиться обратное, а рисковать нам нельзя.

– Не перестаешь удивлять, Годогост! – изумлённо произнёс Илья. – Что с тобою случилось, почему ты потерял сознание?

– Я не знаю, – в больших голубых глазах гмура отражался свет кристалла, он суетливо запричитал: – Это странно, очень странно, простое заклятье, а откат... такое чувство, что я вернулся во времена своего юношества, когда маг Акамир впервые показал мне, как пользоваться своим даром.

– Ничего не понял. Какой-то откат, маг Акамир, которого ты, кстати, второй раз упоминаешь...

– Вот и я ничего не понял, – Годогост отвернулся, показывая всем своим видом, что разговор ему неинтересен. – Мне срочно нужно попасть домой, в свой мир. Раз ключ открыл мне двери сюда, то откроет и обратно.

Остаток ночи прошел спокойно. Потрепавшись с полчаса о насущном: о том, где найти еду и что делать дальше, – путники уснули. Одна панцирная кровать стала тесным, но относительно теплым местом для сна. И плевать, что позы полусидя и полулежа не совсем удобны для комфортного отдыха.

День был ясным. Покинув засыпанный пеплом подвал, они выбрались в благоухающую запахами свежей листвы и цветов рощу. Как же было приятно оказаться на солнце, впитать кожей его лучи. Путники расположились на небольшой поляне, окруженной молодыми деревцами. Здесь росла густая сочная трава, то тут, то там усеянная мелкими сиреневыми цветочками. Илья впервые в жизни был в лесу, пусть и в небольшом, совсем ещё молодом. Вчера они спешно проскочили сквозь него до укрытия Ясины, и он ничего не успел рассмотреть.

– Мне надо найти ту разрушенную обитель, в которой я оказался в момент перехода, – Годогост вновь курил трубку. – Дверь в мой мир находится там. А то вот уже и табачок заканчивается.

Несмотря на то, что гмур говорил непринуждённо, даже с некой отрешенностью, в голосе его чувствовалась тревога, неуверенность в собственных догадках. При свете нового дня Илье ещё лучше удалось рассмотреть присевшего в тени деревьев пришельца из другого мира. Больше всего его поразила кожа. Она была не просто светлой, как у него, а кипенно-белой. На её фоне, да ещё при абсолютно лысом черепе, очень выразительно смотрелись чёрная густая борода и кустистые брови, под которыми сияли два огромных голубых глаза. Чёрный балахон с капюшоном гмур расстегнул, явив молодым людям свою странную «железную рубашку». На широком ремне с огромной кованой бляхой, в центре которой красовался золотистый ключ, висели ножны (название всплыло из глубин памяти Ильи, но он сомневался в его правильности), в которые Годогост и прятал свой меч Монислав.

– Ты помнишь то место? – спросила Ясина, ловкими движениями собравшая густые чёрные волосы в конский хвост. Илья невольно залюбовался такому маленькому, но заметному изменению во внешности девушки. – Окрестности мне знакомы, но, конечно, слишком далеко я никогда не заходила. Ты видел там людей?

– Нет, сударыня, людей там не было. О боги! Я просто не знал, как сюда попал. Мигом ранее тонул в колодезной воде, а Вороний лес вокруг кишел ожившими мертвецами. И вот я здесь! Это был заполненный затхлой водой подвал. Но разобрал я это не сразу, – Годогост вытряхнул трубку и продолжил: – Найти выход из тёмных казематов для меня, гмура Южного

королевства, жителя Острой горы, было проще пареной репы! Выбрался наружу, значит, и что? Ни тебе леса, ни полчищ нежити, ни княжества Сыроземского! Разрушенный остов, навроде твоего, Ясмина, только деревьев больше, да болотце посередине подозрительное. Чует сердце мое, что живет в нём кто-то страшный и опасный, почище водяного будет!

– Я знаю это место. У него даже название есть – «Одинокая топь»! – воскликнула девушка. – Да, диггеры там не живут, подвалы дома затоплены, а в его окрестностях часто пропадают люди. Даже пилигримы обходят топь стороной. Это не так уж далеко отсюда, примерно в паре километров.

– Чудно! – оживился Годогост, вскочив с сочной травы. – Тогда нам немедля нужно отправиться туда! Одного не пойму, мы так близко от этой вашей Одинокой топи, но мое заклятье «Ясный след» совершенно бездействует, от него не осталось и следа!

– Что это за заклятье такое? – заинтересовался Илья.

– Очень простое. Одно из первых, которому я научился сам, по бесценным книгам Светлого мага Акамира, – с гордостью произнес гмур. – Это все равно, что оставлять зарубки на коре дерева в незнакомом лесу, только вот эти метки никто не видит, кроме хозяина. Но, похоже, в вашем мире это вообще не действует. Все, хватит просиживать штаны! Ходу, чада, ходу! Надо добраться до топи!

– Но, – робко произнесла Ясмина, смущённо опуская зелёные глаза, вмиг наполнившиеся слезами горечи. – Моя бедная тётя Ирада, я бы хотела предать её тело земле. Одна я не смогу. Мне страшно...

– А если пилигримы ещё там? – спросил Илья.

– Я не уверена до конца. Но эти уроды никогда не задерживаются в разграбленных убежищах. Если только их не застанет врасплох начавшийся раньше обычного сезон Чёрных смерчей.

Помочь бедной девушке похоронить её тётю, потом сопроводить Годогоста до места, где, по его мнению, должна располагаться «дверь» в другой мир. А что потом? Что он будет делать потом? Холодные щупальца отчаяния пролезли в душу парня, сковали её ледяной хваткой. Мир вокруг – не его мир, он ничем не отличается от гмура. А Ясмина... Он определённо чувствует что-то к этой смуглянке. За его недолгую жизнь такое было впервые. Девушка теперь одна, без своей никчемной, но всё-таки семьи. Остаться с ней? Да, несомненно, это лучшее на данный момент решение. Впрочем, есть у него ещё одна идея. Он свободен и волен сам выбирать свой путь.

– Мой дядя прятал еду и ел втайне от всех, – спешно продолжила Ясмина, сомнение на лицах её спутников говорило само за себя. – Точнее, он думал, что мы об этом не знаем. Я проследила за ним, а потом рассказала братьям. Мы иногда брали кое-что из его тайника. Он, конечно же, замечал пропажи и грешил всё на пронырливых грызунов, за что люто их ненавидел. Мы могли бы поехать, пилигримы вряд ли отыскали его схрон.

– Я помогу тебе, сударыня! Хоронить усопших – это святой долг родственников, – живо откликнулся Годогост. – Ты укрыла нас в своём убежище, а гмуры не забывают добрых дел! Да и отобедать бы не мешало.

– Да, мы поможем, – согласился Илья. – Но для начала я проведу разведку. Один. Только не спрашивайте почему, потом все разъясню.

– Как знаешь, отрок, – пожал плечами Годогост, вновь усаживаясь в тень шелестящей зелено-синей листвой березы. – Если ты владеешь искусством скрытого наблюдения, то карты в руки.

– Ты уверен? – в голосе Ясины звучали нотки беспокойства. – Если я ошибаюсь, и они поймают тебя...

– Всё, всё, хватит, – мягко остановил Илья девушку. – Я знаю, что делаю. Оставайтесь на месте.

До развалин, где жила Ясмينا, была не одна сотня метров и, конечно же, это стало преградой для Ильи: он не «чувствовал» на таком расстоянии. Когда пилигримы убивали людей, его охватил ужас. Однако чувство страха принадлежало только ему и Ясмине, находившейся поблизости. Мысли умирающих людей, как и их убийц, он не слышал. А иначе смерч из эмоций непременно бы захлестнул его, свернул набекрень мозги. Парень боялся представить последствия, окажись он рядом с эпицентром событий.

Теперь он шёл вперёд без опаски, все страшное уже произошло в этих разрушенных стенах. Остановившись на краю рощи, полностью укрывшись в пышных кронах молодняка, Илья прислушался. Нет, уши в данный момент ему не были нужны, впрочем, как и глаза. Его интересовало другое: неосязаемое, неуловимое для обычного человека. С минуту он стоял, закрыв глаза. Десяток человек – а кочевников было никак не меньше – просто не могли не «отсвечивать». Такие твари излучали тонны мерзких эмоций, и пропустить их Илья не мог. Всё ясно, пилигримы ушли.

– Всё чисто, – выбравшись на поляну, объявил парень, прерывая неспешный разговор своих спутников. – Ты была права, Ясмينا.

– Похвально, – смерив Илью одобрительным взглядом, произнёс Годогост. – Похвально, отрок, ты не так-то прост. Откроешь секрет, как среди бела дня смог обследовать оккупируемую врагом территорию?

– Ты владеешь магией. А у меня что-то вроде дара. Я чувствую эмоции людей, сопереживаю, воспринимаю на расстоянии, ну, конечно, если оно не слишком большое...

– Так ты что, читаешь мои... наши мысли?! – встрепенулась, как испуганная птица, Ясмينا.

– Нет. Мысли нет, только эмоции, – терпеливо повторил Илья. – Не путай.

– Интересно, – задумчиво произнёс Годогост, голубые глаза его буквально пробуравили парня насквозь. – Нет, магических способностей у тебя точно нет. А может быть, я их просто не чувствую. Ваш мир – дурное место, и оно очень плохо влияет на меня.

Захламленный двор, где Илья и повстречал своих спутников, почти не изменился. Но даже маленькое его преобразование оказалось незабываемым зрелищем. Всё дело было в потухшем кострище, посреди которого располагался импровизированный вертел из двух железак, воткнутых в землю, и обрубка согнутой арматуры. Всё бы ничего, только вот мясо, нанизанное на ржавую рифленую сталь, было человеческим. Зажаренные до черноты куски остались недоеденными и сгорели, остатки же разделенного тела лежали рядом. Самые мягкие части тщательно срезаны с костей. Остальное, очевидно, не шло в пищу пилигримов.

– Это Рустэм. Парень жил с отцом в соседнем подвале, – дрожащим голосом проговорила Ясмينا и отвернулась.

Пустой желудок откликнулся жестокими спазмами, но опорожниться так и не смог. Девушка глубоко вздохнула, вытирая рот ладонью, и промолвила, морщась от болевых ощущений:

– Пойдёмте в подвал, я хочу найти тётю.

По пути они наткнулись ещё на три трупа диггеров – их расстреляли посреди мусорной кучи. Менее аппетитные, по мнению каннибалов-кочевников, их тела остались нетронутыми.

За ржавыми дверями царили мрак и затхлость. Близнецы Азат и Азиз лежали недалеко от входа, головы их были размозжены мощными выстрелами. Ясмينا лишь на несколько мгновений задержала на них испуганный взгляд. Нагромождения старой мебели мешали свободно двигаться вперед. Пилигримы постарались: место, где быт был устроен абы как, стало поистине непроходимым.

– Тётя! – всхлинула Ясмينا, бросаясь вперед. – Бедная моя тётя!

Изможденное долгой болезнью тело женщины лежало на сколоченной из досок кровати. Чёрная мумия. Именно эта ассоциация пришла на ум Илье. В груди Ирады торчал вогнанный

по самую рукоять кухонный нож. Сам хозяин жилища, Аббас, находился невдалеке. Испещренный страшными разрезами труп лежал на кухонном столе. Его пытали, вне всякого сомнения, от этого он и скончался. Что же нужно было пилигримам? И что так тщательно скрывал диггер? Запасы провизии? Это вряд ли. Она, судя по тому, что видел Илья во дворе, не особо и нужна людоедам. Возможно, сами издевательства служили потехой для сумасшедших кочевников и не несли в себе ничего конкретного.

Ясмина рыдала на груди тёти, причитала и проклинала пилигримов. Мужчины стояли в стороне. Глупо вмешиваться и пытаться успокоить девушку, пускай выплачется как следует.

Если Годогост сохранял полное спокойствие и только периодически тяжело вздыхал и хмурил густые брови, то Илье опять досталось. Страдания терзали его рвущуюся на части душу. В какой-то миг боль от потери родного человека заполнила собой всё. Илье только что сам не склонился над убитой Ирадой и не заревел навзрыд. Однако собственное сознание взяло верх. Парень даже немного удивился тому, как быстро смог заблокировать поток чужих эмоций.

– Что с тобой, отрок? Вид у тебя болезненный, – тихо поинтересовался Годогост.

– Всё в порядке, Годогост, сейчас всё в порядке.

Местом погребения выбрали заросший белыми цветами пустырь, расположенный сразу за развалинами. Илье с Годогостом принесли Ираду на руках, по просьбе Ясины, предварительно завернув ту в выцветший старый плед. Сама девушка прихватила лопату, кирку и небольшой бумажный свёрток, найденный в тайнике дяди. Земля оказалась податливой, и могилу выкопали без особых усилий, после чего тело аккуратно погрузили в яму и стали молча закапывать. Ясмина также безмолвствовала, да и слёзы больше не текли по её смазливому смуглому личику. Она бросила горсть земли на труп любимой тёти, заменившей ей мать, и отсела в сторонку.

– Пусть боги укажут и осветят ей дальнейший путь, – без эмоций произнёс Годогост, смотря на холм из сырой земли, на который Илье водружал древнюю швейную машинку.

Уходя из мрачного подвала, Ясмина попросила забрать этот антиквариат. У диггеров так принято – класть на могилу любимые при жизни вещи покойного. Илье пришлось возвращаться и снова наблюдать кошмарную картину расправы. Ему вообще сегодня не везло: сначала эмоции девушки едва не свели его с ума, потом нож, который... да, именно ему пришлось выдернуть его из груди Ирады, а теперь вот...

– У нас, у гмуров Южного королевства, всё по-другому, – Годогост сидел, привалившись спиной к стене и накинув на голову капюшон. – Мы не хороним своих усопших. Древний ритуал прост, как поддоспешник³ под кольчугой. Термиты-камнегрызы, что не одну тысячу лет живут с нами по соседству, в недрах Острой горы, и служат могильщиками. Их старые норы приспособили для захоронений. Место является святым и единым для всех сословий гмуров, будь ты простой рудокоп или же королевских кровей.

Они слушали рассказы Годогоста, расположившись невдалеке от свежей могилы, и ели вяленое мясо степного землекопа. Странная, но довольно вкусная пища, как отметил про себя Илье. Как выглядел зверек при жизни, парень не знал, но раз уж он теперь на свободе, было бы неплохо узнать об этом животном поподробнее. Гмуру тоже понравилось мясо этого дикого травоядного. Однако на этом трапеза не закончилась. После того, как они немного насытились, Ясмина развернула бумажный кулёк, извлекая стеклянную баночку. Содержимое, таившиеся в ней под пластиковой крышкой, было известно Илье. Вот только откуда у диггеров тушёнка, произведённая специально для ханского стола интернатовскими поварами? Аппетит пропал. В памяти снова всплыли мерзкие подробности того вечера, когда он впервые попробовал тушё-

³ Поддоспешник или подлатник – термин, используемый для обозначения разновидности одежды, надеваемой под доспех. В другом источнике упоминается как полукафтанье или зипун, который надевается под латы, панцири, кольчуги, бахтерцы, куяки и другое.

ную свинину. Жирная, ненасытная извращенка Сабина заставила его делать такое... Илья с трудом проглотил вяленое мясо и быстро запил его водой.

– Самое вкусное и ценное, – прокомментировала зеленоглазая Ясмينا, расценив взгляд Ильи, как удивление. – Дядя умудрился договориться с сыном местного чиновника, отвечающего за сбор податей, из твоего Интерната. Айдан зависим уже много лет и не может обходиться без дурман-травы. Добыть нужные стебли и листья редкого растения на болотах, кишящих тварями, и приготовить хороший Банг⁴ удаётся далеко не каждому. Дядя Аббас это умел.

Годогост от мяса не отказался, со смаком и похвалами: «знатная кухарка стряпала, знатная!» – съел больше полбанки.

– Эх, винца бы сейчас, да с вечно зелёных склонов Алатырской горы⁵, – гмур блаженно закатил большие глаза, только вместо вожделенного напитка отхлебнул воду из древней пластиковой бутылки. – Экая диковинная вещица, вроде бы и прозрачная, как стекло, а мягкая!

– Это пластик, его производили наши предки до «Последней войны». Очень прочный и износостойкий материал, – пояснил Илья. – Сейчас из него ничего не делают, все технологии утеряны.

– Что это была за война? – гмур нахмурил брови. – Это из-за неё ваши города разрушены?

– Да. Её называют по-разному: «Великая война», «Последняя», «Ядерная». Но суть одна: большая часть человеческой цивилизации была уничтожена. Погибли или же мутировали почти все живые организмы и растения. Ещё я слышал о каких-то химических и бактериологических заражениях. Есть места, где дышать воздухом – это верная смерть!

Потом, конечно, были ещё войны, но не такие крупные. Этнические, религиозные стычки. Остатки человечества ринулись делить то, что уцелело. Геноцид и расовая дискриминация довершили дело. Теперь ты видишь мир, где таких, как я, белокожих людей почти не осталось, – закончил Илья, по большей части пересказывая речь учителя Абдула, термины из которой оставались до конца неясными для самого парня.

– Ей-богу, глаголешь вроде по делу, только вот слов много непонятных, – изумлённо произнёс Годогост.

Луч солнца скользнул под капюшон, и гмур зажмурился, резко опустив голову, на лице отразилась страдальческая гримаса.

– Ильм Сварожич⁶, это светило сожжёт меня в пепел! – резко воскликнул пришелец из другого мира, напугав погружённую в свои мысли Ямину.

– Что с тобой происходит? – не на шутку встревожился Илья.

– Мы, гмуры, народ подземный и не выносим яркого солнечного света, поэтому редко покидаем подземелья до заката. Впрочем, меня можно считать исключением. Моя необычная сродность с Лесными братьями, альвами, дала возможность находиться на поверхности среди бела дня и не страдать от этого. Но ваше светило – оно другое. Я не сразу это прочувствовал. О боги, оно же убьёт меня! – гмур резко поднялся на ноги. – Нечего расслаиваться! Прелестная сударыня Ясмينا, я помог тебе. Уважь и меня, горемычного, отведи к Одинокой топи!

Ясмينا поднялась с травы, взглянула на быстро высыхающий холм свежевыврытой земли, промолвив единственное слово:

– Пошли.

Они шли по пересеченной местности, все больше удаляясь от относительно благоустроенного района Руин, прилегающего к Интернату.

⁴ Банг – изготавливают из высушенных и размельченных стеблей, семян и листьев конопля. В данном случае растение мутировало и приобрело множество новых свойств, пагубно сказывающихся на организме.

⁵ Алатырская гора – находится вблизи Эвлисийского королевства альвов.

⁶ Ильм Сварожич – от Алины Святогоровны и Ильма Сварожича ведут свой род гмуры и альвы. Гмуры и альвы – родственники, первые гмур и альв были братьями. Только гмуры пошли в отца – великого бога-кузнеца Ильма Сварожича, а альвы – в мать прекрасную Алину.

Илья ещё никогда не видел ничего подобного. Только сейчас он понял, что под всеми этими оврагами, озерцами, возвышенностями, каналами и болотцами скрывается навечно похороненный город. То тут, то там из земли торчали заросшие бурьяном бетонные перекрытия и остатки кирпичной кладки, валялся ржавый металл, пластик и битое стекло. Ясмину вела их едва видимой тропой, пролежавшей между наиболее безопасными элементами рельефа. Годогост, стоически перенося жару, закутавшись в свой балахон, плелся позади молодых людей, периодически взывая к своим богам.

Ясмину, немного отошедшая от последних событий, рассказывала свою жизнь.

Эту тропу ей показали двоюродные братья – Азат и Азиз. Аббас брал их иногда на Большие болота, что простирались дальше от таинственной Одинокой топи. Они помогали ему собирать коноплю и охотиться на тритонов.

– Дядя многое умел, его считали самым опытным охотником и диггером в наших местах.

Парень невольно вспомнил прощание Ясины с Аббасом.

«Поделом тебе, тварь! – гневно произнесла девушка, мельком глянув на растерзанное тело старого диггера. – Оставайся тут и сгнивай вместе со своими отпрысками!»

Да, у Ильи не было семьи, но жить в такой, как у Ясины, он бы не хотел. Подумать только, эту бедняжку близкие родственники использовали для сексуального удовлетворения! Сколько же ей пришлось пережить? Нет, это, конечно же, не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило между ним и Сабинной. Девушке было гораздо хуже.

Свобода – такое сладкое слово. Поскорее выбраться за стены Интерната – именно этим грезил Илья в последний год, как только зависимость от столовской еды сошла на нет и его сознание прояснилось. Теперь он принадлежит сам себе, однако, открывшийся мир не стал отдушиной. Он нисколько не лучше, здесь точно так же царят низменные человеческие страсти и беззаконие. Он был разочарован. Нет... Скорее, подавлен тем, что худшие опасения подтвердились. А чего он, собственно говоря, ждал? На что надеялся? Таким, как он, в этом мире нет места. И это чудо, не иначе, что белокожий отпрыск выжил и попал в Интернат. Можно, конечно, осознавать всю неизбежность ситуации, но смириться – никогда! Уверенность в собственной неординарности, избранности подстегивала его. И с прочитанной когда-то пословицей: «Где родился, там и пригодился», – ему не по пути. Парень знал: совсем скоро его жизнь круто изменится. Шедший позади Годогост был тому подтверждением.

Кожа на лице и лысой голове покраснела и начала болеть. Снимающее болевые ощущения заклятье помогло, но ему приходилось прятать открытые части тела от злых лучей чужого солнца. Целью Годогоста была Одинокая топь, и до нее нужно добраться как можно скорее. Во-первых, там, в развалинах, можно укрыться от полуденного зноя. Во-вторых, найти вход, брешь между мирами, портал... – как его не назови, суть одна, – и вернуться домой. Только вот со вторым пунктом все гладко лишь в мыслях. Как осуществить переход... как, вообще, найти двери, ведущие домой, гмур не имел ни малейшего представления. Случай особый, с подобным ему не приходилось еще сталкиваться. Его наставник, светлый маг Акамир, не раз упоминал о возможности перехода в другие миры. Однако это считалось Высшей магией, недоступной таким недоучкам, как Годогост.

Боги, даровавшие ему при рождении частичку своей силы, не оставили и здесь, на чужбине. Они послали ему спутников – подростков с непростой судьбой, не растерявших лучших человеческих качеств. Их судьбы сошлись, а к чему это приведет, покажет ближайшее время.

Путники шли довольно долго. Годогост всё пытался вспомнить местность, разглядеть знакомые детали пейзажа. Тогда, после перехода, он был напуган, растерян и, конечно же, поступил глупо. Ноги сами несли его по таящей опасности ночной пустоши. Легкое заклятье «Ясный след» он все же не забыл, а вот Светляком предпочёл не пользоваться. К тому же ночь была довольно светлой. А небо... от вида незнакомых созвездий и одинокого диска Луны он едва не лишился чувств. Луна-дочь сиротливо светила на него сверху. А где же вторая вечная

спутница – красная громадина, Мать? Он в другом мире! Тогда эта догадка показалась ему сумасшедшей...

– Почти дошли, – объявила Ясмينا, щурясь и смешно морща носик от слепящих солнечных лучей. – Вон те развалины, там Одинокая топь!

Годогост и сам всё почувствовал. Ключ на груди вдруг мгновенно стал тёплым, но не таким горячим, как тогда, в колодце. Опасаясь новых ожогов, гмур все же достал его из-под одежды. Несомненно, это верный знак, они на правильном пути.

– Уж извините, это страшное место, – зеленоглазая спустилась с пригорка, вставая позади своих спутников. – Кто из вас пойдет дальше первым, решать вам, но я буду сзади.

– Кто, кто, – напыщенно заворчал гмур, выпятив грудь. – Конечно же, я!

Глава 3

Когда-то это была обычная многоэтажка: всего девять этажей, таких было множество в старом районе города. Разрушенная почти до основания, она являла миру остовы стен, укутанных плотным кольцом аномально высокого карагача и клена. В центре строения располо-

жилося болото, заросшее осокой, мхом и камышом. Место говорило само за себя – тут живет множество тварей: летучих, ползучих, подводных и наводных. И всё же над всем этим разнообразием дикой флоры нависала необыкновенная тишина, изредка нарушаемая булькающими звуками жизнедеятельности топи. И ничего более. Даже вечно орущие лягушки – и те притихли. А может быть, их тут и не было вовсе? Как и не было жадных до крови комаров и множества других их собратьев.

– Нехорошая тишина, мёртвая, будто в склепе очутились, – тревожно хмуря брови, проговорил Годогост. – Мёртвая топь, а не Одинокая... Это название куда лучше подходит для этого места.

– Почему тут так тихо? – недоумённо спросил Илья у Ясины. – Тут что, вообще никто не живет?

– Не знаю, – пожал плечами девушка. – Я ничего толком не слышала об этом месте. Так, обрывочные рассказы, которые иначе как враками не назовешь. Никто не вернулся отсюда.

От собственных слов ей стало по-настоящему жутко, по спине прошёл озноб. Только сейчас она осознала всю неизбежность ситуации. Как, вообще, ей удалось ввязаться в эту авантюру? Ну, показала дорогу, а дальше можно же было просто не идти.

– Оно и к лучшему, ежели никого нет. В прошлый раз я тоже никого не увидел. Надо найти тот затопленный подвал, – подытожил гмур, протискиваясь сквозь плотно сплетённые меж собой ветви деревьев. – А там видно будет.

Годогост дотронулся до висящего на цепочке ключа. Теперь тот был гораздо горячее. Всё правильно. Так и должно быть, ведь они на верном пути.

Путники двинулись в обход болота, пробираясь сквозь нагромождения строительного материала. Мысли Ясины по поводу её необдуманного поступка улетучились. Их сменила необоснованная тревога. Её преследуют. Её вот-вот должны догнать разъяренные родственники. В голове девушки всё чаще стали возникать образы дяди Аббаса и братьев-близнецов. Они были мертвы и приходили, оживленные сознанием, именно такими, какими она их видела в последний раз в подвале – изуродованными и окровавленными. А еще этот странный туман, вылезший из закоулков, заключил в свои серые объятия одинокую топь. Он пугал не меньше видений, от него веяло ледяным холодом и запахом разлагающейся плоти.

Илья шёл вслед за гмуrom. Сзади, сиротливо озираясь, брела Ясына. Пару раз Илья оборачивался спросить, всё ли у неё в порядке. Девушка выглядела напуганной и очень растерянной. Впрочем, она кивала и говорила посиневшими, будто от жуткого холода, губами: «Хорошо. Всё хорошо».

От тумана, что таинственным образом заволоч болото, и впрямь тянуло несвойственной для этого времени года прохладой. Кажется, даже лучи солнца, так нещадно палившие трою по пути к топи, здесь потерялись, утонули в сером сыром мареве.

Однако не только это удивило Илью, вскоре он стал замечать смутно знакомые предметы. Откуда ни возьмись, вдоль мутной воды потянулся новенький деревянный забор – мощный, с плотно подогнанными друг к другу досками. Таким они с Фаритом совсем недавно отгородили загон для маленьких поросят. А что тут делает старая железная колода, стоявшая возле сарая? Да и самого сарая с курами здесь просто не может быть. Илью затрясло, он резко остановился, покрываясь холодным потом, стал до боли натирать глаза. А когда открыл их снова в надежде, что морок исчезнет, в ужасе вскрикнул, подпрыгивая на месте. Он был в Интернате! Хоззона окружила его опостылевшими строениями, клетками и загонами. В нос ударил знакомый до тошноты запах дерьма. Визжали вечно голодные свиньи, вставали на дыбы, опираясь на грязный забор, чавкали и пускали пенящуюся слюну. За железной сеткой, в собранной из панцирных кроватей клетке квохтали лысые уродливые куры. Да как такое возможно?! Где Годогост, где Ясына?

– Эй, белозадый, что встал как вкопанный?!

От этого голоса Илья едва не лишился чувств. Повернулся в сторону источника звуков, плотно стиснув зубы, чтобы вновь не заорать.

– Ты думал, что сбежал от меня? – гнусаво проговорил Фарит. – Думал, что я сдох и не смогу утопить тебя в порослячем дерьме?!

Толстяк, и без того изувеченный мутацией при жизни, сейчас выглядел в высшей степени отвратительно: измазанный с ног до головы свиными экскрементами и запёкшейся кровью, со свисающими кусками изжеванной плоти, местами оголяющими кости. Его близнец-паразит, скрываемый доселе под безразмерной футболкой, явил миру свою чудовищную личину. Грушевидная голова, поросшая пучками чёрных волос, торчавшая прямо из складок на животе Фарита, разевала беззубый рот, выпучив два белых, абсолютно слепых глаза. Еще у него была рука – тонкая, трёхпалая, с жёлтыми закрученными ногтями. И некоторое подобие ног – коротких, сросшихся меж собой в безобразную култышку.

– Тварь, ты даже не помог мне, сука! – зло заорал Фарит, брызжа кровавой слюной. – А знаешь, как мне было больно?! Нет? Ладно, сейчас сам всё прочувствуешь на своей бледной шкуре!

Толстяк бросился на Илью, проявив небывалую прыть. Парень увернулся, рухнул в траву. Но что за шутки?! Почему его одежда мгновенно намокла, словно он не в кусты упал, а в воду?!

Ничего не понимая, он вскочил и бросился прочь.

– Никуда не денешься. Убью, уродец! – слова преследовавшего его Фарита летели вдогонку.

Её знобило, мысли хаотично металась в голове. Еще секунду назад она видела спину шагающего впереди Ильи, а сейчас её взору предстала знакомая до боли комната.

– Сядь, сука, веди себя смирно! – от голоса дяди Аббаса Ясмину бросило в пот. – Подлая предательница!

Он, по обыкновению, сидел в своём скрипучем, потёртом кресле. Только вот смертельные раны, оставленные пилигримами на его теле, продолжали кровоточить, нисколько не смущая старого извращенца. В его рабочем кабинете, как сам он гордо величал заваленную хламом и вениками сухой и еще свежей конопли конуру, всё было по-старому.

Ясмина дернулась, попятилась в сторону двери. Как часто она бывала в этой жуткой, вонючей берлоге. А вот и засаленный диван с кучей грязного тряпья. Тут он её...

– Нет! – зарыдала девушка. – Нет, тебя нет! Тебя убили!

– Ну что же ты, племянница, нехорошо так о родственниках отзываться, – наигранно ласково произнес Аббас и вскрикнул, вскакивая с кресла. – Порву суку, на части порву!

Ясмина рванула на себя дверную ручку – закрыто! В тот же миг голову пронзила резкая боль. Дядя ухватил её за волосы и поволок в сторону дивана.

– Не-е-е-ет!

Она хваталась за всё, что попадётся под руки, но боль от выдираемых смертельной хваткой волос заставляла подчиниться. Ну уж нет, она больше никогда не проявит слабость. Ясмина извернулась точно дикая кошка-камышёвка и вцепилась руками в ненавистную рожу Аббаса. Большие пальцы погрузились в глазницы, брызнула кровь. Но мёртвому дяде всё нипочем, и вместо крика из его дурно пахнущего рта вырвался хриплый смех. Он швырнул её на диван. Удар ногой в живот заставил Ясмину съёжиться от боли, скрутиться калачиком. Холодные, липкие от крови руки Аббаса потянулись к её горлу.

Гмур чуял неладное, всем своим нутром чуял. Проклятый туман заволок всё вокруг – пойди, найди теперь вход в нужный подвал. Его спутники притихли, и, казалось, перестали ориентироваться в пространстве.

– Что с тобой, отрок? – с тревогой в голосе произнёс пришелец из другого мира.

Илья застыл на месте. Загнанный взгляд направлен в одну точку, на слова гмура парень не реагировал. Ясмина тоже выглядела растерянной и совершенно беспомощной.

– Илья, ты меня слышишь? – в очередной раз позвал Годогост, краем глаза уловив движение в затянута растением и туманом воде.

Парень сделал несколько шагов назад, по-прежнему не замечая гмура. А когда тот протянул руку, пытаясь потрогать его за плечо, резко отпрыгнул, плюхаясь в воду. И уже через мгновение, вскочив, ринулся вперёд, не разбирая дороги. Бежать за ним? Не успел Годогост решить, что делать в сложившейся ситуации, как пронзительный крик Ясины развеял все сомнения.

– Нет! Нет, тебя нет! Тебя убили! – девушка задергала руками, как если бы видела перед собой что-то. – Нет!

Она упала, сомкнув руки на собственном горле.

Заклятье «Кукла» позволяло ворожившему подчинить волю своей жертвы, управлять ею, как марионеткой. Такое могло совершить с людьми только оно. Но кто в этом мире способен на элементы высшей магии? Разбираться в этом не было времени.

Гмур бросился к задыхающейся смуглянке. Страх и ненависть бурлили в её больших зелёных глазах, по щекам текли слёзы. Как ни пытался Годогост расцепить сомкнутые на шее девушки руки, у него ничего не получилось. Ясмина с ещё большей силой и остервенением вцепилась в собственную плоть. Широкая ладонь гмура легла на лоб девушки, второй рукой он придерживал трепыхающееся на сырой траве тело. Заклятье с простым названием «Сладкий сон», подействовало мгновенно, погружая беснующуюся девушку в сон. Годогост не знал, что произойдёт в следующую минуту, от кого или от чего ждать угрозы в этом незнакомом мире. Окутав уснувшую девушку защитным куполом «Голубого сияния», он вскочил с земли. Заклятье защищало недолго, действовало успокаивающе и обладало лёгкими целебными свойствами, образуя вокруг непроницаемый для многих видов воздействия барьер. С ней всё будет в порядке. Теперь нужно отыскать Илью. Звенящую тишину нарушили всплески. Неужто в болото полез? Годогост бросился в сторону парня, силясь рассмотреть в тумане хоть что-то. Боги, опять всё пошло не по плану! Его бег прервало видение – такое яркое и реальное, что его замутило от нестерпимого запаха разлагающейся плоти. Что же происходит с ним и с его спутниками? Следов знакомой магии он не чувствовал, а значит, был практически бессилён. Еще несколько десятков шагов по болотной растительности – и он резко вступает в поросший разнотравьем подлесок. Слышны стоны и страшные крики оживших мертвецов. А вот уже и они сами мелькают между стволами деревьев. Почуяли гады живую плоть!

Илья заскочил в открытые двери амбара, но закрыть их не успел. Деревянные створки распахнулись от мощного удара, отбрасывая парня вглубь строения. Фарит громко расхохотался. Тучное, обглоданное свиньями тело едва протиснулось в проём.

– Вот ты и попался! Сам себя загнал в ловушку! Я думал ты умнее, белозадый! – злорадно прокричал толстяк.

– Э-э-у-а-э-э! – возмущённо поддержал его близнец, вылупив бельма, и добавил, коверкая слово: – Потпалася!

Илья никогда раньше не слышал, как говорит близнец, да и видел его редко, только в бане. Ежедневное посещение общественной мойки – очередное испытание, где среди разнополой «коллекции» мутировавших уродов, он чувствовал себя самым мерзким из них. Поэтому всегда старался закончить водные процедуры как можно скорее, дабы не услышать в свой адрес невероятное количество оскорблений и издевательств, в то время как толпа грязных страхолюдин резвилась на всю катушку. Самые маленькие воспитанники интерната брызгались водой, орали, бегали и прыгали, а взрослые без стыда совокуплялись. Тела сплетались на грязном

бетонном полу, на лавках, сколоченных из грубых досок, не особо заморачиваясь в выборе партнера, а то и сразу нескольких.

Воспоминания изменили всё, теперь он уже не в амбаре, а в бане, на склизком, мыльном полу. Илья быстро поднялся на ноги, осматриваясь по сторонам, тряхнул головой. Этого не может быть, происходящее абсурдно и похоже на бред. Дети вокруг не замечали его, продолжая заниматься своими делами. И только Фарит с намыленной, окровавленной мочалкой сжигал его ненавидящим взглядом.

– Может спинку мне потрешь, уродец? – продолжал с издевкой толстяк. – Идём, не бойся, я уже устал за тобой гоняться.

– Заткнись! – заорал Илья срывающимся голосом. – Закрой пасть, тебя нет! Ничего этого нет! Годогост, Ясмина, где вы?!

Мысли о гмуре и девушке слегка «пошатнули» реальность, картинка перед глазами подёрнулась, пошла рябью. Сквозь навязанные кем-то или чем-то образы парень разглядел поросшую травую топь. Мутная вода в нескольких метрах колыхнулась, послышался всплеск, нечто крупное скрылось под широкими листьями болотных лилий.

Гмур снова убегал от наступающих со всех сторон мертвецов. Конечно же, Годогост понимал, что происходящее нереально, однако, видения были до безобразия правдоподобны.

Впереди показалась знакомая поляна с избой и колодцем. Трупы шли по пятам, и ему ничего не оставалось, как повторить свой путь, в результате которого он оказался в чужом мире. Он подбежал к колодцу, заглянул в его прохладную черноту. Нет, воды в нём не оказалось – лишь сухая, потрескавшаяся земля. Изба! Годогост бросился в ветхое жилище. Хлипкая деревянная дверь не имела запора, поэтому, забежав внутрь, гмур навалился на неё всем телом. Впрочем, первый и очень мощный удар снаружи не оставил ему никакого шанса. Годогост отлетел вглубь дома вместе с разлетевшейся в щепки дверью. Ввалившийся мертвец рухнул рядом, протяжно завыв, протягивая вперёд руки, пытаясь ухватить гмура за балахон. Один взмах – и Монислав отсёк нежити кисть. Второй – и обезображенная голова с пучками свалывшихся волос откатилась в угол веранды. Гмур вскочил на ноги, в то время как в проеме, ужасающе рыча, появились сразу несколько усопших. Они двигались медленно, даже очень, но неотвратно. Что же делать? Как избавиться от этого странного наваждения? А может быть, это всё правда, и он снова попал в свой мир? Вон как жжёт на груди ключ.

Решение пришло внезапно, как и возникшая сфера «Голубого сияния», окутавшая Годогоста с головы до ног. Вороний лес пропал почти сразу, но то, что увидел гмур потом, ему крайне не понравилось. Он стоял у самой кромки болота. А из него, перебирая по воде двумя парами рук-плавников, надвигалось нечто. Бугристое тело с шипастым плавником на спине наполовину уходило в болотную жижу. Зеленокожая тварь с почти человеческими чертами лица таранилась на него огромными чёрными глазами-блюдцами. Слизистые бугры на теле раскрылись подобно прорвавшимся фурункулам, из них засочился белый туман. Ага, теперь всё понятно! Тварь морочила им головы своими зловещими выбросами. Сильна, видать, на исторжения, гадюка, раз всё болото заволочло маревом. А кто сказал, что она одна? Что-то громко плюхнулось справа, слева забурило вода, а позади чудища, раздвигая болотную растительность, показалась голова с чёрными провалами глаз. Заклятье защищало Годогоста, но он чувствовал, как теряет силы, ведь все это время Ясмина также находилась под его защитой. Оставался ещё один козырь в рукаве, и гмур не преминул им воспользоваться. Светляк засиял в раскрытой ладони, и мерзкие чудища отпрянули, закрываясь руками, бормоча проклятья леденящими душу голосами.

Выхватив из ножен Монислава, гмур бросился на поиски Ильи. Болотные гадины не стали его преследовать, укрывшись в глубинах Одинокой топи. Голова Годогоста прояснилась, впрочем, как и зрение, туман больше не казался сплошной завесой, не путал мысли, не слал

видения. Однако само заклятье буквально высасывало из него силы! Этот мир, как упырь с Колючих островов, тянет из него жизнь. В какую сторону убежал парнишка? И где теперь искать погружённую в сон Ямину? Не успел пришелец из другого мира задуматься о решении этих проблем, как одна из них преградила ему путь. Илья нашёлся, только вот радости от этой встречи Годогост не испытал. Парень лежал на траве, ноги находились в воде, а над ним нависало зеленокожее чудовище. Теперь гмуру удалось рассмотреть гадину полностью. Ног у существа, живущего в трясине, не имелось, зато был хвост длинный, шипастый, увенчанный широким месяцеобразным плавником. Рослый и хорошо сложенный Илья казался ребёнком рядом с огромной страхолюдиной, медленно затягивающей его в топь.

– Прочь, зверюга! Прочь! – заорал Годогост что есть мочи. – Уходи прочь, чудище поганое!

Монстр вздрогнул, бугры на его спине исторгли порцию белого смога. Тварь вцепилась в тело Ильи одной из пар рук-плавников, дёрнула, увлекая за собой. Перекошенный рот, в котором клубились змеевидные языки, издал звуки, похожие на человеческую речь. Гмур разжал кулак, и Светляк, сиявший сейчас во всю свою силу, на мгновение ослепил его самого. Яркий белый свет резанул по огромным, на пол-лица, глазам чудовища, и оно страшно завопило. А уже через несколько секунд только волны на поверхности воды напоминали о его побеге.

– Живой! – проверив дыхание парня, с облегчением произнёс Годогост. – Хвала Ильму Сварожичу!

Он вытащил Илью на траву, не забывая при этом оглядываться по сторонам. Внешне парень выглядел нормально, без открытых ран и ссадин. Глазные яблоки его двигались под веками, ресницы дрожали, на лице застыла страдальческая гримаса. «Голубое сияние» – как тут без него, только оно сможет оградить беднягу от дурманящей пелены. Заклинание подействовало отрезвляюще, парень пошевелился, открыл замутнённые, будто от долгого сна глаза, попытался привстать на локти. В то время как Годогост едва не упал от сильного головокружения. Проклятый откат! В этом мире он поистине беспощаден!

– Всё хорошо, отрок, – спокойно произнёс гмур, преодолевая начавшуюся боль в голове. – Видения больше не потревожат тебя. Вставай, нам надо найти Ямину и вход в подвал. Долго я не смогу нас защищать, мои силы на исходе.

– Где она? Где Ясмينا? – с тревогой спросил Илья хриплым голосом. – С ней всё в порядке?

– Я надеюсь на это, я окутал сударыню «Голубым сиянием», а «Сладкий сон» успокоил её. Но надо спешить!

Годогост помог подняться Илье.

– Не спрашивай, отрок, что произошло, – видя немой вопрос в глазах Ильи, упредил его гмур. – Всё потом. Нам нужно выбираться из этого места. Назад я уже не вернусь! Един-

ственный выход из этого болота – дверь в мой мир, и вам придётся пойти со мной, если хотите жить! За мной!

Илья бросился вслед за гмуrom, всё ещё не веря в своё чудесное спасение. Там, в кошмарных галлюцинациях жирдяй Фарит почти догнал его. То, что в пятнадцати сантиметрах от его тела теперь поблескивало прозрачно-голубоватое поле, уже не очень удивляло. Значит, так надо, благодаря этому он сейчас жив и стоит на ногах, а, точнее, несётся по болоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.